А. В. Пѣшехоновъ.

X

Экономическая политика самодержавія.

(Централизація экономической власти).

ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская ул., д. № 34.
1906.

3к

Проф. 1959
БЕ
П31
БИБЛИОТЕКА
187
13

Отъ умирающаго самодержавія нарождающаяся демократія получитъ тяжелое наслѣдство. Не скоро еще разсѣется густой мракъ невѣжества, которымъ оно такъ старательно окутывало страну, и не сразу удастся провѣтрить удушливую атмосферу безправія, въ которой оно такъ долго держало народъ. Революціонныя грозы и бури сдѣлаютъ, конечно, свое дѣло. Многое для темнаго народа станетъ яснымъ и многое для обезличеннаго обывателя перестанетъ быть страшнымъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, черная сотня—это воплощеніе невѣжества и произвола—еще долго, какъ тяжелый кошмаръ, будетъ давить страну. Падетъ ненавистное самодержавіе, но, какъ оборотень какой,—то въ видѣ анархіи, то въ видѣ цезаризма,—оно не разъ еще, быть можетъ, сдѣлаетъ попытку воспрянуть, чтобы дезорганизовать и сломить народную волю.

Несомнѣнно, однако, что самое тяжелое наслѣдство самодержавіе оставитъ не въ правовой и не въ культурной, а въ экономической сферѣ. Непосильный государственный бюджетъ и неоплатный государственный долгъ, давно пріостановившееся въ своемъ развитіи сельское хозяйство и давно переросшая доступный ей рынокъ индустрія, хронически голодающая деревня и охваченный затяжнымъ кризисомъ городъ, раззоренная страна и обнищавшій народъ—таковы результаты самодержавнаго хозяйствованія. Характеръ этого наслѣдства давно уже опредѣлился, но мы еще не знаемъ его подлинныхъ размѣровъ. Мы еще не знаемъ, до какого раззоренія будетъ доведена страна и до какой нищеты долженъ будетъ опуститься народъ къ тому времени, когда самодержавіе будетъ сломлено и народовластіе будетъ съорганизовано. Мы еще не знаемъ всѣхъ послѣдствій войны, мы и предугадать не можемъ всѣхъ потрясеній революціи. Одно можно сказать, что едва ли самодержавіе уступитъ прежде, чѣмъ всѣ государственные рессурсы будутъ исчерпаны и вся

народнохозяйственная жизнь будетъ дезорганизована. „Послѣ насъ хоть потопъ“—таковъ девизъ всякой умирающей деспотіи.

О правовомъ порядкѣ мечтаютъ буржуазныя партіи, на культуру возлагаютъ онѣ свои надежды. Но какой порядокъ возможенъ среди голодающихъ? И какая культура можетъ расцвѣсти на развалинахъ? Правовой порядокъ пришлось бы поддерживать пулеметами и вмѣсто культурной влаги пришлось бы орошать страну кровью. Тщетны оказались бы всѣ мечты о свободахъ и напрасны всѣ надежды на культуру... Лишь на широкомъ экономическомъ фундаментѣ можетъ прочно обосноваться истинная демократія.

Необходимо будетъ немедленно ликвидировать экономическое наслѣдство самодержавія, нужно будетъ быстро расчистить почву отъ его развалинъ для новой народнохозяйственной постройки... Но не легко это будетъ сдѣлать. Да! не легко будетъ возстановить равновѣсіе въ потрясенномъ народнохозяйственномъ организмѣ. И для того, чтобы выбрать надлежащее средство, нужно хорошо знать надломившую его болѣзнь: раціональное врачеваніе должно опираться на правильно поставленный діагнозъ .

Гр. Витте въ бытность свою министромъ финансовъ явился наиболѣе яркимъ выразителемъ основныхъ идей и тенденцій, издавна свойственныхъ русской оффиціальной государственности въ сферѣ финансовой и экономической политики. Ни одинъ русскій министръ финансовъ,—по признанію кн. Мещерскаго—не сдѣлалъ такъ много для самодержавной власти, какъ С. Ю. Витте своей „системой хозяйства, основанной на идеѣ сосредоточенія всѣхъ рессурсовъ страны въ однѣхъ рукахъ“. Достаточно напомнить, что за время управленія имъ министерствомъ финансовъ, государственный бюджетъ Россіи увеличился болѣе, чѣмъ вдвое, а по абсолютной цифрѣ болѣе, чѣмъ на милліардъ. Въ настоящее время этотъ бюджетъ въ полтора и болѣе раза превосходитъ бюджеты даже такихъ богатыхъ странъ, какъ Англія, Франція, Германія, и является первымъ въ мірѣ по своимъ размѣрамъ. Что касается быстроты, съ какою онъ возросталъ при г. Витте, то она, несомнѣнно, должна быть признана безпримѣрной въ исторіи. Значительная часть всѣхъ производимыхъ въ странѣ цѣнностей, въ той или иной стадіи своего обращенія, проходитъ теперь черезъ государственную роспись. Само собой понятно, что это дѣлается не для статистики и не для бухгалтерской отчетности. Становясь на дорогѣ между производствомъ и потребленіемъ госу-

дарство получаетъ право распоряженія громадною суммою и долею цѣнностей.

Ни одинъ министръ финансовъ не сдѣлалъ такъ много для централизаціи экономической власти, какъ С. Ю. Витте... И ни одинъ министръ финансовъ—прибавимъ мы—не сдѣлалъ такъ много для разоренія народа, какъ этотъ „приказчикъ своего государя". Доведенною до пес plus ultra системою покровительства городу въ ущербъ деревнѣ и всякаго рода „удачникамъ" въ ущербъ трудящейся массѣ, онъ до крайности обострилъ экономическія противорѣчія и сдѣлалъ неизбѣжной экономическую катастрофу.

Финансовую и экономическую политику С. Ю. Витте четыре года тому назадъ, по случаю десятилѣтняго пребыванія его въ должности министра финансовъ, мнѣ пришлось подвергнуть довольно обстоятельному разбору. Эту статью я и выпускаю теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Надѣюсь, что она будетъ небезполезна для читателей, которые пожелали бы уяснить себѣ причины тяжкихъ хозяйственныхъ потрясеній, какія переживаетъ и должна еще будетъ пережить страна.

Не лишне, думается мнѣ, напомнить въ настоящее время и о той роли, какую съигралъ гр. Витте въ экономическомъ раззоренiи Россіи. Мы опять видимъ его въ должности „приказчика" и при томъ главнаго приказчика... Будемъ надѣяться, что это уже послѣдній приказчикъ русскаго самодержавія и что гр. Витте завершитъ свою карьеру въ роли его могильщика.

Если въ биржевой игрѣ одни выигрываютъ, то не можетъ быть, чтобы никто не проигрывалъ

С. Ю. Витте

I.

С. Ю. Витте вступилъ въ управленіе министерствомъ финансовъ въ 1892 г., т. е. непосредственно послѣ тяжкаго испытанія, потрясшаго народно-хозяйственный организмъ Россіи и воочію показавшаго крайнюю неустойчивость экономическаго положенія многомилліонныхъ массъ крестьянства. Ко времени составленія росписи на 1893 годъ выяснилось, однако, что собственно финансовое благополучіе неурожаями 1891 и 1892 годовъ затронуто было очень слабо: государственные доходы за 1892 годъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ категорій ихъ, поступали очень исправно и, въ концѣ концовъ, превысили смѣтныя предположенія на 84 милліона руб. Не смотря на это, новый министръ финансовъ, взявъ обратно уже внесенный его предшественникомъ въ государственный совѣтъ законопроектъ о подоходномъ обложеніи, какъ несовершенный, экстренно провелъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ дальнѣйшему увеличенію косвенныхъ налоговъ. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1892 года состоялись, между прочимъ, распоряженія объ увеличеніи акциза на спиртъ, вино, пиво, табакъ, освѣтительныя масла и спички. Съ ноября того же года былъ введенъ предрѣшенный уже дополнительный акцизъ и съ рафинада. Эти мѣры, на ряду съ нѣкоторыми другими, состоявшимися еще при покойномъ Вышнеградскомъ, должны были, по разсчетамъ министерства, дать увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ на $24^1/_2$ милліона рублей (въ дѣйствительности много больше). Результаты исполненія росписи за 1893 годъ показали, что это возвышеніе налоговъ не, вызывалось необходимостью и было въ

сущности излишне. Обыкновенныхъ доходовъ за этотъ годъ поступило болѣе предположеннаго по смѣтѣ опять на 84 милл., т. е. и безъ повышенія налоговъ всѣ внесенные въ роспись расходы могли бы быть выполнены не только безъ затрудненій, но и съ значительнымъ остаткомъ. Предвидѣть это было не трудно, тѣмъ не менѣе, не смотря на тяжелое положеніе населенія послѣ двухъ неурожайныхъ лѣтъ, косвенные налоги были всетаки повышены и въ такомъ видѣ, не смотря на „блестящее“ выполненіе всѣхъ послѣдующихъ росписей, оставались до новаго своего повышенія.

Я съ нѣкоторою подробностью останавливаюсь на этихъ первыхъ шагахъ молодого въ то время министерства, такъ какъ они являются крайне характерными для всей дальнѣйшей его дѣятельности по части сосредоточенія народныхъ ресурсовъ въ одпѣхъ рукахъ. Эти ресурсы неизмѣнно продолжали собираться въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ требовалось для выполненія текущихъ государственныхъ расходовъ, каковы бы послѣдніе ни были. Достигалось это особою „осторожностью“ и „осмотрительностью“ при составленіи доходныхъ смѣтъ, благодаря чему при ихъ выполненіи изъ года въ годъ неизмѣнно оказывались крупные излишки въ доходахъ. Въ теченіе девяти лѣтъ (1893 —1901), обыкновенные доходы превысили смѣтныя предположенія на 1.175 тыс рублей, или почти на 10%. За отдѣльные же годы смѣты расходились съ ихъ выполненіемъ на 200 и болѣе милліоновъ руб

Для чего нужны были такіе громадные излишки и, главное, такой именно способъ ихъ полученія,—достаточно удовлетворительнаго объясненія во всеподданнѣйшихъ докладахъ мы не находимъ. Правда, уже въ докладѣ о росписи на 1893 г. мы встрѣчаемъ мнѣніе, согласно которому „финансовое хозяйство Россіи должно быть поставлено такимъ образомъ, чтобы поступленіе государственныхъ доходовъ было всегда нѣсколько впереди итога обыкновенно изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ на предвидимыя государственныя потребности, и если, для достиженія такого положенія, требовалось бы нѣкоторое напряженіе платежныхъ силъ, то по отношенію къ плательщикамъ это имѣло бы значеніе, сходственное съ приплатой страховой преміи на случай непредвидимыхъ бѣдствій“. Эта мысль о необходимости „сбере-

женій на черный день" неоднократно повторялась и послѣ. Особенно же много этому предмету удѣлено вниманія во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1901 годъ, гдѣ, кромѣ ссылки на возможность внутреннихъ невзгодъ, указывается,—очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій на Дальнемъ Востокѣ,—что „отсутствіе запаса средствъ могло бы сдѣлаться причиной и политическаго ущерба для государства". Но если и признать необходимость составленія запаснаго капитала на случай какихъ-либо внутреннихъ несчастій и внѣшнихъ осложненій, то, казалось бы, такія сбереженія должны были собираться строго опредѣленными долями, всегда сообразованными съ состояніемъ страны и съ платежными силами населенія, и, стало быть, проводиться черезъ росписи, а не получаться въ видѣ наперелъ неопредѣляемыхъ и какъ бы случайно появляющихся излишковъ. При томъ фактическое назначеніе изъ года въ годъ собиравшихся запасовъ далеко не совпадало съ только что изложенными теоретическими соображеніями. Сбереженія должны были бы копиться „на черный день", въ дѣйствительности же они расходовались. Не смотря на громадные излишки по выполненію росписей и на неоднократныя пополненія свободной наличности крупными займами, къ 1 января 1901 г., по отчету государственнаго контроля, осталось всего 105 милліоновъ руб Правда, въ теченіе указанныхъ лѣтъ Россія должна была посчитаться и съ внутренними, и съ внѣшними невзгодами Она пережила цѣлый рядъ недородовъ, потребовавшихъ продовольственной помощи населенію, и китайскую войну. Но на тотъ и другой предметъ за всѣ годы изъ указанной суммы израсходовано значительно меньше, чѣмъ получено излишковъ въ доходахъ за одинъ, напримѣръ, 1899 годъ (222 и 205 милліоновъ).

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1901 г. мы находимъ и другое соображеніе, долженствующее оправдать интересующіе насъ излишки. Возражая противъ взгляда, что „тягости производительныхъ расходовъ, плодами которыхъ пользуются будущія поколѣнія, правильнѣе возлагать, путемъ займа, на эти будущія поколѣнія", г. министръ финансовъ указываетъ, что „подобный образъ дѣйствій былъ бы неблагоразуменъ для Россіи, обремененной крупнымъ долгомъ, немалая доля котораго размѣщена за границей, при чемъ значительная часть займовъ заключена въ прежнее

время не для производительныхъ цѣлей, а для покрытія расходовъ военнаго времени, оставившихъ послѣдующимъ поколѣніямъ тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ. Увеличеніе задолженности, безъ серьезной къ тому необходимости, поставило бы наше государственное хозяйство на опасный путь". Посему, „чтобы избѣгнуть вынужденнаго пользованія государственнымъ кредитомъ, особенно при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ . нуженъ, какъ онъ полагаетъ, нѣкоторый запасъ средствъ, такъ какъ чрезвычайныя издержки, по самому существу своему, нерѣдко возникаютъ неожиданно". Въ этой мотивировкѣ необходимости накопленія запасовъ, по нашему мнѣнію, несомнѣнно кроется недоразумѣніе.

Мысль о томъ, что чрезвычайные, даже производительные расходы должно производить за счетъ текущихъ доходовъ, а не покрывать путемъ займовъ, неоднократно излагалась и въ болѣе раннихъ докладахъ С. Ю. Витте, но тамъ ею мотивировалось не накопленіе запасовъ, а превышеніе по росписи обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами Съ этою мыслью можно, конечно, соглашаться и не соглашаться. Во всякомъ случаѣ, если даже и считать ее справедливою, не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что военные расходы прежняго времени оставили „тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ" не только будущимъ поколѣніямъ, но и нынѣшнимъ. А потому, производя на счетъ послѣднихъ расходы для потомковъ, надлежитъ, казалось бы, особенно внимательно считаться съ посильностью этихъ расходовъ, а не производить ихъ внѣ всякой связи съ тѣмъ, какой моментъ—тяжелый или благопріятный—переживаетъ въ данное время страна. Кромѣ того, чтобы производить чрезвычайные расходы за счетъ обыкновенныхъ доходовъ, нѣтъ надобности извлекать необходимые для этого рессурсы изъ народнаго обращенія годомъ или нѣсколькими годами раньше, чѣмъ они могутъ понадобиться. Для этого достаточны излишки въ обыкновенныхъ доходахъ по той росписи, по которой назначены чрезвычайные расходы, и вовсе не требуется предварительнаго извлеченія такихъ излишковъ. Что касается „неожиданности" чрезвычайныхъ расходовъ, то мы еще понимаемъ таковую по отношенію къ издержкамъ, обусловленнымъ тѣми или другими несчастіями, но едва ли такимъ характеромъ могутъ отличаться

„производительные расходы, плодами которыхъ воспользуются будущія поколѣнія“. Такіе расходы не могутъ считаться безусловно неотложными, и потому во всякомъ случаѣ, казалось бы, подлежатъ нормировкѣ. Главное же, если даже и признать желательнымъ при всякихъ обстоятельствахъ накопленіе запасовъ въ интересахъ будущихъ поколѣній, то этимъ всетаки не оправдывается установившійся у насъ порядокъ полученія необходимыхъ для этого суммъ, а именно, не посредствомъ внесенія ихъ опредѣленными долями въ росписи, а путемъ искусственно создаваемыхъ излишковъ при выполненіи послѣднихъ.

Очевидно, помимо соображеній, съ которыми мы встрѣчаемся въ докладахъ, имѣлись еще какія-то обстоятельства, заставлявшія наше финансовое вѣдомство слѣдовать системѣ какъ бы случайныхъ излишковъ, а не возможно точныхъ смѣтъ Чтобы уяснить себѣ эти обстоятельства, мы должны обратиться къ тому фактическому матеріалу, который накопился за истекшіе годы относительно дѣйствительнаго назначенія упомянутыхъ излишковъ...

Суммы, получившіяся отъ превышенія дѣйствительныхъ доходовъ надъ смѣтными предположеніями и достигшія за 8 лѣтъ, какъ мы видѣли, круглой цифры въ милліардъ рублей, съ присоединеніемъ къ нимъ суммы въ нѣсколько сотъ милліоновъ, вырученной отъ реализаціи нѣсколькихъ займовъ или остатковъ отъ нихъ, фигурировали затѣмъ въ докладахъ и отчетахъ подъ именемъ „свободной наличности“ государственнаго казначейства.

Необходимо имѣть въ виду, что свободная наличность не увеличивалась съ годами, а неуклонно почти, начиная съ 1895 г., уменьшалась. Такъ, по отчетамъ государственнаго контроля суммы свободной наличности были равны:

на 1 января	1894 г.	259,9	мил.	руб
» »	1895 »	333,4	»	»
» »	1896 »	273,9	»	»
» »	1897 »	246,5	»	»
» »	1898 »	214,7	»	»
» »	1899 »	134,9	»	»
» »	1900 »	259,3	»	»
» „	1901 „	104,9	„	„

Увеличеніе свободной наличности къ 1900 г. объясняется исключительно крупнымъ займомъ (въ 176 милл.), которымъ она была

подкрѣплена въ 1899 г. Такія подкрѣпленія производились и раньше (въ 1895 г, напримѣръ, почти на 150 мил.) Въ 1901 г. свободная наличность вновь усилена такимъ же путемъ болѣе, чѣмъ на 150 милліоновъ. Такимъ образомъ, чрезвычайные расходы въ значительной ихъ части, вопреки всѣмъ теоретическимъ соображеніямъ, мы въ дѣйствительности производимъ за счетъ будущихъ поколѣній.

На что же и въ какомъ порядкѣ расходовались суммы „свободной наличности"?.. Въ распоряженіи финансоваго вѣдомства онѣ служили для двухъ цѣлей: для сбалансированія смѣтъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ и для производства таковыхъ внѣ разсматриваемыхъ государственнымъ совѣтомъ росписей. Едва ли нужно говорить, насколько наличность свободныхъ остатковъ, полученныхъ отъ блестящаго выполненія смѣтъ и благовременно заключаемыхъ займовъ, облегчала для министерства возможность чрезвычайныхъ расходовъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно считало ихъ въ данный моментъ необходимыми. Рѣшаться на эти расходы было тѣмъ легче, что свободные остатки получались какъ бы сами собою, безъ усилій, и служили лишь показателемъ въ высшей степени благопріятнаго финансоваго и экономическаго положенія страны.

Еще большее значеніе свободная наличность имѣла для тѣхъ расходовъ, которые финансовое вѣдомство производило внѣ смѣтъ. Высочайше утвержденнымъ 20 апрѣля 1882 года мнѣніемъ государственнаго совѣта было положено: „объявить къ неуклонному руководству Высочайшую волю Его Императорскаго Величества, чтобы всѣ вѣдомства (не исключая военнаго) въ своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ о расходахъ соображались съ открытыми имъ по смѣтѣ кредитами и не представляли на утвержденіе Государя Императора мѣропріятій, требующихъ новыхъ расходовъ, не испросивъ прежде, установленнымъ порядкомъ, нужнаго кредита" Неоднократно ссылаясь на это распоряженіе и на еще болѣе категорическія резолюціи покойнаго государя, г. министръ финансовъ въ своихъ докладахъ съ особою настойчивостью подчеркиваетъ, что правильное веденіе государственнаго хозяйства сдѣлалось возможнымъ лишь послѣ того, какъ сверхсмѣтные расходы были почти вовсе искоренены изъ практики вѣдомствъ. Этому непремѣнному условію раціональнаго веденія хозяйства не придавалось, однако,

значенія при расходованіи суммъ свободной наличности, оставшихся въ распоряженіи финансоваго вѣдомства Изъ нея въ теченіе всего времени производились крупныя непредусмотрѣнныя смѣтами затраты, достигавшія за нѣкоторые годы 200—300 милліоновъ рублей Въ качествѣ примѣра укажу, что расходы по возстановленію золотого обращенія въ странѣ, потребовавшіе въ общемъ многихъ сотенъ милліоновъ рублей, произведены цѣликомъ внѣ смѣтныхъ кредитовъ и не оставили по себѣ никакого слѣда въ государственныхъ росписяхъ. Денежная реформа, какъ извѣстно, произведена была путемъ отдѣльныхъ распоряженій, далеко не всегда проходившихъ чрезъ разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Безъ свободной наличности, изъ которой можно было черпать необходимые рессурсы, конечно, вовсе не возможно было бы осуществить ее такимъ порядкомъ Благодаря свободной наличности, наряду съ обычнымъ государственнымъ бюджетомъ, успѣлъ вырости и упрочиться другой, внѣсмѣтный, такъ сказать, бюджетъ, въ распоряженіи которымъ министерство ничѣмъ почти не было связано.

II.

Не менѣе характернымъ для министерства финансовъ С. Ю. Витте представляется и то рѣшительное предпочтеніе, какое съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности оно отдало косвеннымъ налогамъ передъ прямыми. Уронъ, нанесенный государственному хозяйству голодными годами, С. Ю. Витте пожелалъ восполнить, какъ мы видѣли, не подоходнымъ налогомъ, къ которому склонился уже его предшественникъ, а усиленнымъ обложеніемъ массоваго потребленія. Въ 1900 г. косвенные налоги были вновь значительно повышены, а именно акцизъ со спирта на 10%, съ пива на 33⅓%, съ водочныхъ издѣлій и табака на 15—100%, таможенныя пошлины для очень многихъ товаровъ на 10—50%. Повышеніе 1900 г. мотивировалось событіями на Дальнемъ Востокѣ, потребовавшими усиленныхъ расходовъ, хотя рессурсы для нихъ, казалось бы, должны были быть накоплены заблаговременно собиравшейся съ населенія „страховой преміей“ на случай внутреннихъ или внѣшнихъ невзгодъ. Экстренно введенная надбавка осталась и послѣ того, какъ война была приведена къ благополуч-

нему концу [1]). Вообще, за все управленіе С. Ю. Витте министерствомъ финансовъ пониженія косвенныхъ налоговъ, можно сказать, не было.

Въ иномъ положеніи оказались прямые налоги. Взятый обратно для исправленія, законопроектъ о подоходномъ налогѣ уже не всплывалъ на поверхность. Правда, съ 1894 г. былъ введенъ новый прямой налогъ, а именно квартирный. Но проектъ этого налога былъ выработанъ еще въ 1892 г. и, хотя былъ утвержденъ при новомъ министрѣ, однако, интересовалъ его „не столько по суммѣ ожидаемаго отъ него дохода, сколько въ качествѣ перваго опыта обложенія, соразмѣреннаго, въ предѣлахъ возможности, съ совокупностью средствъ плательщиковъ". Этотъ опытъ такъ и остался единственнымъ въ своемъ родѣ. Что касается значенія новаго налога въ государственномъ бюджетѣ, то оно совершенно ничтожно. Неоднократно уже поднимался вопросъ о передачѣ этого налога городскимъ управленіямъ, въ бюджетѣ которыхъ доставляемые имъ 3 — 4 милліона могли бы сыграть, конечно, несравненно большую роль, чѣмъ въ двухмилліардномъ бюджетѣ государства. Въ сторону повышенія при новомъ министрѣ финансовъ былъ реформированъ еще промысловый налогъ, но повышеніе это было въ общемъ незначительно и далеко не соотвѣтствовало тому значенію, какое пріобрѣли промыслы и торговля въ экономической жизни. Не смотря на широкое развитіе горной, фабрично-заводской, транспортной и торговой дѣятельности, относительное количество рессурсовъ, доставляемыхъ ею въ казну, не только по прежнему остается ничтожныхъ, но и обнаруживаетъ наклонность къ пониженію. Въ 1893 г. сборы съ торговли и промысловъ составляли 3,9% всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ, а въ 1902 г.—3,7%, при чемъ къ послѣднему году нѣкоторыя категоріи торгово-промышленныхъ предпріятій были освобождены отъ другихъ, лежавшихъ на нихъ, налоговъ (напр., въ 1901 году отъ горной подати почти на 3 мил. руб.).

---

[1]) Расходы и убытки, понесенные Россіею вслѣдствіе смутъ въ Китаѣ, были покрыты наложенною на Китай контрибуціей, для реализаціи которой былъ выпущенъ особый 4% заемъ. Суммы этого займа получили, однако, спеціальное назначеніе, не имѣющее связи съ китайскими смутами: помимо возмѣщенія убытковъ частныхъ лицъ и учрежденій, причиненныхъ этими смутами, онѣ были обращены *на выдачу ссудъ желѣзнодорожнымъ обществамъ*.

Воздерживаясь отъ повышенія прямого обложенія, министерство финансовъ въ 1894 — 1896 гг. предприняло рядъ мѣръ для облегченія плательщиковъ прямыхъ налоговъ и „пошлинъ“ [1]). Наибольшее значеніе для массы населенія имѣла, конечно, состоявшаяся въ это время отмѣна паспортнаго сбора. Кромѣ того, законами 7 февраля 1894 г и 13 мая 1896 г. была сдѣлана попытка облегчить выкупные платежи для крестьянскаго населенія путемъ отсрочки недоимокъ и разсрочки непогашенной части выкупного долга Болѣе рѣшительны были мѣры, имѣвшія въ виду не только крестьянское населеніе, но и другія сословія. Такъ, съ 1 декабря 1894 г. сборъ съ пассажировъ I и II классовъ былъ уменьшенъ съ 25 до 15%; 10 апрѣля 1895 г. были освобождены отъ пошлины безмездные переходы земельной собственности къ ближайшимъ родственникамъ, каковая мѣра принесла частнымъ владѣльцамъ ежегодное облегченіе въ 3 мил. руб. 15 мая того же года казенная пошлина съ застрахованныхъ имуществъ понижена на 50% (2 мил. руб); по всемилостивѣйшему манифесту 14 мая 1896 г. государственный поземельный сборъ уменьшенъ тоже на 50% ($7^1/_2$ мил руб.); въ эти же годы понижена была пробирная пошлина и пошлина на привилегіи, а также отмѣненъ сборъ съ грузовъ, отправляемыхъ по воднымъ путямъ. Въ общемъ облегченія по прямымъ налогамъ не достигли, однако, и 20 мил. руб., доставшись, какъ видно изъ приведеннаго перечня, на долю, главнымъ образомъ, имущихъ классовъ. Какъ бы то ни было, сравнительное значеніе указанныхъ источниковъ государственнаго дохода въ ряду другихъ за десятилѣтіе 1893 — 1902 гг. замѣтно уменьшилось. По смѣтѣ 1893 г. прямые налоги (съ выкупными платежами) и пошлины составляли 24% обыкновенныхъ доходовъ, а по смѣтѣ 1902 г. они должны дать всего лишь 17% (безъ пошлинъ 18 и 12%).

Доводы, въ силу которыхъ министерство финансовъ предпочитаетъ косвенное обложеніе прямому, многократно излагались и повторялись во всеподданнѣйшихъ докладахъ. Просматривая ихъ,

---

[1]) Пошлины (гербовыя, судебныя, съ переходящихъ имуществъ и т. д) по своему характеру приближаются къ косвеннымъ налогамъ, но по отношенію къ нимъ министерства финансовъ ихъ приходится сближать съ прямыми. Ниже мы укажемъ, чѣмъ объясняется такое именно, а не иное отношеніе къ нимъ финансоваго вѣдомства.

мы видимъ, что косвенные налоги считаются предпочтительнѣе прямыхъ, во-первыхъ, потому, что они справедливѣе, во вторыхъ, потому, что они болѣе упруги и, въ-третьихъ, потому что взимать ихъ легче. Не лишне будетъ нѣсколько остановиться на этихъ доводахъ, чтобы уяснить себѣ ихъ сравнительное значеніе.

„По самой природѣ косвеннаго обложенія“, читаемъ мы въ первомъ же докладѣ С. Ю. Витте, „оно въ каждый данный моментъ обильнѣе оплачивается тою частью населенія, которая обладаетъ наибольшею покупною способностью, а слѣдовательно, и вообще распредѣляется между плательщиками въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что налогъ тѣмъ справедливѣе, чѣмъ лучше его тяжесть соразмѣрена съ экономическимъ достаткомъ каждаго отдѣльнаго плательщика или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныхъ группъ населенія. Но, чтобы увѣриться въ этомъ, необходимо прежде всего знать, кто является дѣйствительнымъ плательщикомъ даннаго налога, на кого падаетъ его главная тяжесть. Такимъ плательщикомъ далеко не всегда можно считать лицо, вносящее въ казначейство деньги. Иначе пришлось бы признавать плательщиками косвенныхъ налоговъ тѣхъ фабрикантовъ, заводчиковъ и торговцевъ, которые ведутъ съ государствомъ разсчеты по акцизнымъ и таможеннымъ сборамъ Многія формы налоговъ допускаютъ переложеніе ихъ на такихъ плательщиковъ и на такія группы ихъ, которые вовсе не имѣютъ непосредственныхъ отношеній къ фиску. Финансовая наука знаетъ въ сущности только одинъ не перелагаемый налогъ—это налогъ на чистый доходъ отдѣльнаго лица, т. е. налогъ подоходный. Особенно же легко перелагаются косвенные налоги, и судить поэтому, кто является ихъ дѣйствительнымъ плательщикомъ, въ высшей степени трудно, если не совсѣмъ невозможно. Не зная плательщиковъ, нельзя, конечно, утверждать и того, что налоги распредѣляются между ними „въ соотвѣтствіи съ ихъ платежными силами“. Исходя же изъ общей тенденціи, проникающей экономическія отношенія, можно утверждать какъ разъ обратное, а именно, что косвенные налоги въ конечномъ итогѣ главною своею тяжестью падаютъ на наиболѣе слабыя въ экономическомъ отношеніи группы населенія.

Но если даже оставить въ сторонѣ это наиболѣе общее воз

раженіе, выставляемое финансовой наукой противъ косвенныхъ налоговъ, и допустить, какъ это дѣлаетъ министерство финансовъ, что дѣйствительными плательщиками ихъ являются покупатели обложенныхъ товаровъ и что дальнѣйшаго переложенія косвенныхъ налоговъ въ средѣ населенія не происходитъ, то и въ такомъ случаѣ приходится усомниться, чтобы они распредѣлялись въ соотвѣтствіи съ платежными его силами. Правда, человѣкъ, вовсе не обладающій „покупною способностью“, платить ихъ не будетъ, но вѣдь такой субъектъ при какихъ угодно налогахъ все равно былъ бы неплательщикомъ. Среди же остального населенія косвенные налоги распредѣляются пропорціонально потребленію обложенныхъ продуктовъ, а это далеко не одно и то же, что „въ соотвѣтствіи съ платежными его силами“. Потребность въ облагаемыхъ казною продуктахъ не можетъ считаться пропорціональною экономическому достатку и тѣмъ болѣе платежнымъ силамъ отдѣльныхъ лицъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели лицо, обладающее сготысячнымъ доходомъ, потребляетъ въ 1000 разъ больше спичекъ, чѣмъ лицо съ доходомъ въ 100 руб. Неужели потребность въ алкоголѣ возрастаетъ прямо пропорціонально достатку? Въ жизни вѣдь можно констатировать скорѣе обратную связь.

Министерство, повидимому, и не считаетъ возможнымъ настаивать на „строгомъ“ соотвѣтствіи косвеннаго обложенія съ платежными силами и довольствуется „извѣстнымъ“, т. е. условнымъ соотвѣтствіемъ, а, стало быть, и условною справедливостью. Оно увѣрено, однако, что эта условная справедливость никогда не переходитъ въ явную несправедливость Наши косвенные налоги, какъ полагаетъ оно, „по самой сущности своей, не могутъ носить принудительнаго характера, будучи взимаемы у насъ съ предметовъ не безусловно необходимаго потребленія“. Но кто же, однако, опредѣляетъ, какіе предметы потребленія слѣдуетъ относить къ безусловно и какіе къ не безусловно необходимымъ? Моя бабушка помнитъ время, когда спички дѣйствительно были предметомъ роскоши, когда у каждаго мужика въ карманѣ были трутъ, кремень и огниво, когда бабы знали секретъ, какъ сохранять въ печкѣ тлѣющій уголекъ до слѣдующаго утра. Я самъ помню время, когда шведскія спички были роскошью, и мы, обыкновенные смертные, могли и должны были довольствоваться

сѣрниками. Но теперь... я сильно сомнѣваюсь, чтобы гдѣ либо, за исключеніемъ развѣ глухихъ деревушекъ, затерявшихся въ Пинскихъ болотахъ, люди жили и могли прожить безъ обандероленныхъ спичекъ, безъ шведскихъ даже спичекъ. Затруднился бы я отнести къ предметамъ не безусловно необходимаго потребленія и ситецъ, въ цѣнѣ котораго таможенная пошлина составляетъ такую видную часть. Неужели мужику, у котораго нѣтъ уже полосы, засѣянной льномъ, или ткацкаго станка въ избѣ, такъ и ходить безъ рубашки. И какъ бы могли обходиться безъ этого „не безусловно необходимаго“ предмета городскіе, все увеличивающіеся въ своей численности классы? Даже керосинъ, дающій финансовому вѣдомству десятки милліоновъ, приходится считать безусловно необходимымъ уже предметомъ массоваго потребленія Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать мужику, если годнаго на лучину полѣна не имѣется, умѣнье обращаться съ нею уже утрачено, а необходимаго для пользованія ею „свѣтца“ и за деньги не купишь? Даже вымирающія деревни *) не могутъ вернуться къ лучинѣ и должны пользоваться услугами керосина, хотя бы посредствомъ „коптилки“. Напомню, наконецъ, что, по изслѣдованіямъ г-жи Ефименко, водка въ свадебномъ обрядѣ нѣкоторыхъ мѣстностей считается не менѣе необходимою вещью, чѣмъ вѣнчаніе въ церкви.

Степень необходимости того или иного предмета потребленія опредѣляется такою сложною совокупностью, съ одной стороны, климатическихъ, экономическихъ и бытовыхъ условій, а съ другой—не только физіологическихъ, но и психическихъ потребностей, что опредѣлить ее на основаніи какихъ-либо апріорныхъ соображеній прямо немыслимо. Единственный критерій, которымъ въ этомъ случаѣ можно руководиться,—это степень распространенія тѣхъ или иныхъ предметовъ въ массѣ. Между тѣмъ, косвенными налогами по преимуществу и обложены предметы массоваго потребленія,—иначе вѣдь эти налоги и не давали бы государственному казначейству такихъ громадныхъ рессурсовъ.

Исходя изъ предположенія, что косвенное обложеніе падаетъ на предметы не безусловно необходимаго потребленія, широкому

*) См. статью Н. Ѳ. Анненскаго. „Нѣсколько цифръ“ Р. Б. 1902 г. № 2.

распространенію послѣднихъ въ массѣ министерство финансовъ придаетъ не основное, а производное значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ. совершенно оригинальное освѣщеніе Косвенные налоги, говоритъ оно, не должны „препятствовать достиженію крестьянскимъ населеніемъ той элементарной степени благосостоянія, отсутствіе которой столь рѣзко обнаруживается въ неурожайные годы. Если путемъ косвенныхъ налоговъ у крестьянскаго населенія и отвлекаются значительныя средства, то это происходитъ не вслѣдствіе существованія какихъ-либо препятствій для затраты ихъ на производительныя цѣли, но потому, что средства эти не предназначаются населеніемъ для такихъ цѣлей“ Къ этому упреку, какъ бы заимствованному со столбцовъ охранительной прессы, мы еще вернемся.

Болѣе вѣскими, на первый взглядъ, представляются тѣ соображенія въ пользу косвенныхъ налоговъ, которыя касаются ихъ упругости. „Уплата косвенныхъ налоговъ“, читаемъ мы въ докладѣ на 1893 г., „производится по мѣрѣ потребленія обложенныхъ налогами продуктовъ, небольшими взносами и въ такое время, когда плательщикъ имѣетъ средства для покупки этихъ продуктовъ, а слѣдовательно, и для уплаты налоговъ“ Широкая разсрочка въ уплатѣ налога, несомнѣнно, является крайне важнымъ облегченіемъ для плательщика. Но чтобы эта льгота не превратилась въ обузу, необходимо, чтобы она не была обязательною и, главное, чтобы ее не приходилось оплачивать пенею. Между тѣмъ, косвенные налоги, хотя и предоставляютъ такую льготу плательщику, однако въ принудительной формѣ и при томъ за значительную въ сущности прибавку къ налогу.

Дѣло въ томъ, что разсрочка при этой формѣ обложенія дѣлается не казною, которая получаетъ слѣдуемую ей сумму сполна уже при выходѣ продукта изъ завода или при проходѣ его черезъ таможню, а заводчиками и торговцами, которые вносятъ за потребителя акцизъ и таможенную пошлину. Само собою понятно, что они оказываютъ плательщику эту услугу не даромъ. Деньги, уплаченныя ими въ казну, за все время, пока онѣ будутъ находиться въ оборотѣ, т. е. пока продуктъ не дойдетъ до потребителя, и тотъ не уплатитъ всей слѣдуемой съ него доли налога, должны приносить процентъ. Кромѣ этого процента, потребитель долженъ оплатить и расходы по страхованію товара,—расходы

тѣмъ большіе, чѣмъ дороже стоитъ товаръ, и, стало быть, чѣмъ большая сумма съ него взыскана казною. Въ общемъ эта приплата выражается для плательщика очень большою цифрою. Ведро водки, напримѣръ, обходится заводчику въ 60 коп. + акцизъ 4 р. 40 коп., а всего 5 руб. Если предположить, что торговый процентъ въ среднемъ составляетъ не больше 20%, то потребителю то же ведро обойдется въ 6 руб. Не будь акциза, потребитель, уплативъ тѣ же 20%, отдалъ бы за ведро лишь 72 коп. Въ первомъ случаѣ разница между заводской и розничной цѣной равна 1 руб., во второмъ—она была бы равна лишь 12 коп. Такимъ образомъ, за отсрочку въ уплатѣ акциза плательщикъ заплатитъ 88 коп., т. е. въ $1^1/_2$ раза дороже, чѣмъ стоитъ сама водка. По отношенію къ суммѣ налога это составитъ 20%, тогда какъ пеня при прямыхъ налогахъ взимается въ размѣрѣ лишь 6%. Мы произвели самый скромный разсчетъ. Въ дѣйствительности переплаты для мелкаго потребителя, особенно для деревенскаго, значительно выше, такъ какъ нѣкоторые товары доходятъ до него съ надбавкой (въ томъ числѣ и на сумму налога) не въ 20%, а въ 30—40 и даже 100%.

Что касается возможности при косвенныхъ налогахъ каждому плательщику „сообразовать платежи не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ“,—то она, конечно, имѣетъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о предметахъ не безусловно необходимыхъ. Если же акцизомъ обложены необходимые предметы, то совпаденіе моментовъ уплаты налога съ моментомъ пріобрѣтенія нужной вещи, какъ и всякое совпаденіе платежей, является уже не облегченіемъ для плательщика, а обремененіемъ. Не имѣя возможности купить нужный продуктъ безъ одновременной уплаты налога, потребитель нерѣдко долженъ или отказывать себѣ въ необходимомъ, или обращаться къ обременительнымъ займамъ. Не напрасно вѣдь ростовщичество и кулачество находились въ такомъ тѣсномъ единеніи съ дореформеннымъ кабакомъ,—этимъ главнымъ органомъ фиска по косвенному обложенію. Возможность вносить налогъ мельчайшими долями и только тогда, когда имѣется потребность въ обложенныхъ продуктахъ и средства для ихъ покупки,—имѣетъ и еще одну отрицательную сторону, которая, повидимому, вовсе ускользаетъ отъ вниманія фи-

нансоваго вѣдомства. Въ аргументаціи послѣдняго важное мѣсто, какъ мы видѣли, занимаетъ то соображеніе, что косвенные налоги вносятся населеніемъ добровольно, безъ „понудительныхъ мѣръ, всегда тяжелыхъ и нерѣдко убыточныхъ для плательщиковъ“. При этомъ, очевидно, вовсе упускается изъ виду, что кромѣ явнаго, физическаго, такъ сказать, принужденія, въ жизни имѣютъ мѣсто и играютъ нерѣдко еще большую роль мѣры нравственнаго воздѣйствія Изъ того, что налогъ вносится „добровольно“, отнюдь нельзя дѣлать выводъ о благотворномъ вліяніи его на экономическую жизнь и даже объ отсутствіи вредныхъ отъ него послѣдствій. Есть налоги, которые населеніе выплачиваетъ не только добровольно, но и съ нѣкоторымъ увлеченіемъ и какъ бы удовольствіемъ, и которые, тѣмъ не менѣе, оказываются для него несомнѣнно разорительными. Укажу хотя бы лотереи,—къ счастью, не имѣющія почти мѣста въ нашей финансовой системѣ. Человѣкъ, страстно желающій выпить водки, также охотно,—захлебываясь, можно сказать, отъ предстоящаго удовольствія,—платитъ слѣдуемую съ него часть акциза,—изъ чего, однако, конечно, не слѣдуетъ, что выпиваемая имъ рюмка за рюмкой водка не разстраиваетъ его хозяйственнаго благополучія.

Косвенное обложеніе, несомнѣнно, опирается на такое именно нравственное воздѣйствіе. Представьте себѣ психику рядового плательщика, обуреваемаго, съ одной стороны, желаніемъ получить необходимый или очень пріятный продуктъ, а съ другой—сознающаго полную невозможность пріобрѣсти его безъ обременительной и, во всякомъ случаѣ, непріятной уплаты соотвѣтствующей части налога. Актъ, который онъ совершитъ, конечно, можно разсматривать, какъ равнодѣйствующую этихъ двухъ борющихся въ немъ чувствъ. Но несомнѣнно, что чѣмъ необходимѣе предметъ, и чѣмъ удобнѣе и мельче будутъ доли, на которыя можно расчленить налогъ, тѣмъ сильнѣе эта равнодѣйствующая отклонится въ выгодную для фиска сторону. Не забывайте, что рѣшать этотъ вопросъ плательщику приходится тогда, когда въ его карманѣ зашевелились деньжонки; и когда онъ, по свойственной человѣку слабости, склоненъ воображать себя чуть не Крезомъ. Возможность уплачивать налогъ мельчайшими дозами и при томъ тогда только, когда имѣются деньги, несомнѣнно ведетъ къ затемнѣнію и даже утратѣ у плательщика всякаго сознанія о посиль-

ности или непосильности для него этого налога. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же требовать отъ человѣка, чтобы, выпивая рюмку водки или покупая коробку спичекъ и даже зажигая каждую отдѣльную спичку, онъ еуклонно сообразовался бы „не только съ общимъ уровнемъ своей хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ". Предъявлять такія требованія, это значитъ вовсе не считаться съ общими намъ всѣмъ и играющими особенно видную роль въ жизни малокультурныхъ слоевъ человѣческими слабостями. И несомнѣнно было бы справедливѣе не ограничиваться упрекомъ въ нихъ, а посчитаться съ ними даже въ такой крупной вещи, какъ государственная роспись, и такимъ путемъ хотя бы отчасти парализовать ихъ пагубное дѣйствіе.

Предположеніе, что поступленіе косвенныхъ налоговъ находится въ соотвѣтствіи „не только съ общимъ уровнемъ хозяйственной зажиточности, но и съ временными колебаніями въ прибыткахъ" роковымъ образомъ сказалось и на отношеніяхъ финансоваго вѣдомства къ такому кардинальному вопросу, какъ экономическое положеніе трудящихся массъ. Къ существу этого вопроса намъ еще придется вернуться, здѣсь же отмѣтимъ лишь, что устойчивое и даже возрастающее поступленіе косвенныхъ налоговъ, какъ и вообще государственныхъ доходовъ, по мнѣнію министерства финансовъ, является „несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что финансовое благосостояніе Россіи, далекое отъ какого-либо ослабленія, крѣпнетъ и могучими шагами движется по пути развитія", и „что вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ постоянное наростаніе и народнаго благосостоянія".

Мы видѣли, какъ слаба статическая связь количества косвенныхъ доходовъ съ уровнемъ народнаго благосостоянія. Намъ остается изслѣдовать поэтому только динамическую, такъ сказать, ихъ упругость и посмотрѣть, можетъ-ли служить доказательствомъ наростанія народнаго благосостоянія увеличеніе государственныхъ доходовъ отъ косвеннаго обложенія. При этомъ намъ приходится прежде всего встрѣтиться съ тѣмъ фактомъ, „достойнымъ, по мнѣнію самого министерства финансовъ, вниманія, что среди предметовъ массоваго народнаго потребленія не замѣтно увеличенія лишь по одному спирту, потребленіе котораго колебалось въ теченіе всего десятилѣтія около нормы въ полведра сорокаградуснаго

вина на 1 жителя". Благодаря не совсѣмъ удачнымъ выраженіямъ въ этой репликѣ сказано больше, чѣмъ желало сказать министерство. Рѣчь идетъ, очевидно, не вообще о предметахъ массоваго потребленія,—иначе необходимо было бы доказать и то, что потребленіе хлѣба, напримѣръ, увеличивается, а не уменьшается,—но о тѣхъ лишь „не безусловно необходимыхъ" предметахъ, которые обложены косвенными налогами. Среди же нихъ спиртъ занимаетъ, можно сказать, исключительное положеніе, такъ какъ для него почти исчерпана уже возможность распространенія за счетъ какихъ-либо необлагаемыхъ продуктовъ. Вообще же, имѣются серьезныя основанія думать, что среднее количество расходуемыхъ на одного жителя продуктовъ, если и возрастаетъ, то это явленіе имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, если не исключительно, по отношенію къ тѣмъ лишь облагаемымъ предметамъ массоваго потребленія, внѣдреніе которыхъ въ хозяйственную жизнь страны еще не завершилось и распространеніе которыхъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи и въ разныхъ слояхъ населенія еще не закончилось. Нѣтъ ничего мудренаго, если потребленіе хлопчатобумажныхъ издѣлій въ странѣ увеличивается, такъ какъ не вездѣ еще домашнія ткани вытѣснены фабричнымъ ситцемъ. Если потребленіе бумажныхъ издѣлій за десять лѣтъ по разсчету на одного жителя увеличилось съ 3,52 до 4,32 фунт., то это не значитъ, конечно, что тотъ самый житель, который имѣлъ прежде три рубашки, имѣетъ теперь четыре, а значитъ, вѣроятно, лишь то, что, кромѣ этого жителя, сталъ носить ситецъ и кто-то другой, кто до сихъ поръ ходилъ въ холщевыхъ портахъ и рубахахъ. Потребленіе чая и сахара въ народной средѣ, несомнѣнно, распространилось, но также несомнѣнно и то, что квасъ за это время почти вовсе исчезъ изъ домашняго обихода, что потребленіе молока рѣзко уменьшилось и что, быть можетъ, даже значеніе горячей пищи въ народномъ питаніи упало. Если страна стала больше расходовать такихъ продуктовъ, какъ хлопокъ, чай, сахаръ, керосинъ, то вѣроятнѣе всего, что это знаменуетъ лишь продолжающееся вытѣсненіе этими продуктами другихъ, однородныхъ имъ, а не усиленіе потребленія. Видѣть же въ одномъ фактѣ распространенія покупныхъ продуктовъ благопріятный признакъ для народнаго благосостоянія — не приходится. Замѣна грубаго холста—гнилымъ, быть можетъ, „ситчикомъ", дымной лучины—

керосиновой „коптилкой“, „горячихъ“ щей · „тепленькимъ“ чаемъ возможна и при повышеніи, и при пониженіи хозяйственнаго уровня плательщичьей массы. Она знаменуетъ собою лишь смѣну натуральныхъ формъ хозяйствованія денежными, а этотъ стихійный переломъ въ народной жизни, какъ свидѣтельствуетъ исторія, неизмѣнно почти сопровождался обогащеніемъ немногихъ за счетъ массоваго разоренія Несомнѣнно, что и у насъ имѣются группы, которыя успѣли усилить и улучшить свое потребленіе, но ихъ благосостояніемъ мотивировать податное обремененіе трудящейся массы едва ли резонно и справедливо.

Что косвенное обложеніе при нашихъ условіяхъ не можетъ считаться достаточно чувствительнымъ показателемъ экономическаго положенія населенія и соотвѣтствія податного бремени платежнымъ его силамъ, въ этомъ съ особою очевидностью долженъ былъ бы убѣдить опытъ послѣдняго именно десятилѣтія. За это время Россія пережила цѣлый рядъ очень крупныхъ недородовъ. Сельское населеніе, даже по скромнымъ разсчетамъ министерства финансовъ, за послѣднія 5 лѣтъ не дополучило до милліарда руб. противъ обычной суммы дохода. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ въ странѣ начался промышленный кризисъ, и въ цѣломъ рядѣ мѣстностей ощущается безработица. Но и за всѣмъ тѣмъ косвенные доходы поступали и поступаютъ исправно. Любопытно, что, по наблюденіямъ самого министерства финансовъ, косвенные налоги оказываются менѣе чувствительными къ экономическому положенію страны, чѣмъ прямые: „дѣйствительность показываетъ“, читаемъ мы въ одномъ изъ докладовъ, „что на ряду со вполнѣ благопріятнымъ поступленіемъ косвенныхъ налоговъ... обнаруживаются недоборы по прямымъ налогамъ“. Но изъ этого, казалось бы, очень поучительнаго факта министерство дѣлало неизмѣнно одинъ и тотъ же выводъ, что „народные прибытки возрастаютъ“.

Разсматривая заключающіеся во всеподданнѣйшихъ докладахъ доводы въ пользу косвеннаго обложенія, мы до сихъ поръ оцѣнивали его съ точки зрѣнія плательщика. Мы не нашли въ немъ тѣхъ преимуществъ, которыя видитъ министерство финансовъ, или сильно усомнились въ таковыхъ. Но съ точки зрѣнія фиска преимущества косвеннаго обложенія несомнѣнны. Помимо удобствъ взиманія, косвенные налоги имѣютъ три, по крайней мѣрѣ, въ

высшей степени цѣнныхъ качества, дѣлающихъ ихъ незамѣнимыми для финансоваго вѣдомства. Прежде всего они открываютъ послѣднему возможность привлекать къ несенію податного бремени такіе слои населенія, которые при иныхъ налоговыхъ формахъ оказались бы безусловными неплательщиками. Взять хотя бы крестьянство. Въ массѣ своей оно давно уже сдѣлалось крайне неаккуратнымъ плательщикомъ лежащихъ на немъ податей: недоимки по окладнымъ сборамъ съ сельскихъ обществъ, составлявшія къ началу 90-хъ годовъ лишь 40%, къ срединѣ ихъ поднялись до 100%, а къ 1899 г.—даже до 120. Среди отдѣльныхъ губерній встрѣчаются такія, недоимки которыхъ достигаютъ 4—5 годовыхъ окладовъ. Но и эти, не смотря на всѣ принудительныя мѣры, почти вовсе уже неплатящія прямыхъ сборовъ губерніи въ общемъ вносятъ немалую долю косвенныхъ налоговъ.

Не менѣе важной съ фискальной точки зрѣнія представляется, конечно, и та независимость, какую сообщаетъ государственному бюджету косвенное обложеніе. Недоимки по прямымъ налогамъ не помѣшали финансовому вѣдомству получить милліардный излишекъ въ доходахъ и удвоить государственный бюджетъ. Опираясь на косвенные налоги, послѣдній возрасталъ какъ въ счастливые годы, такъ и въ неблагополучные. Только такимъ путемъ министерство финансовъ имѣло возможность не только расширить свою власть надъ экономическою жизнью страны, но и сдѣлать ее почти независимой какъ отъ общаго хозяйственнаго уровня плательщичьей массы, такъ и отъ временныхъ колебаній въ ея прибыткахъ.

Косвенные налоги имѣютъ и еще одно качество, далеко не безразличное, конечно, для центральной власти. При косвенномъ обложеніи государство не вступаетъ въ непосредственныя отношенія съ плательщиками и освобождается отъ обязанности прибѣгать къ понудительнымъ, „всегда тяжелымъ“ мѣрамъ воздѣйствія на нихъ. Обыватель выплачиваетъ потребныя государству суммы, вовсе не отдавая себѣ отчета, кому и на что онъ платитъ. Налогъ доходитъ до него въ видѣ составной части цѣны покупаемаго имъ предмета, а такъ какъ по народной пословицѣ, „глубокій смыслъ“ которой извѣстенъ и министерству финансовъ, „цѣны Богъ строитъ“, то налоговое бремя принимается плательщикомъ, какъ Божіе произ-

воленье. Благодаря этому, независимо отъ высоты налоговъ, сохраняются добрыя отношенія между населеніемъ и фискомъ, дѣятельность котораго, при косвенномъ обложеніи, остается, такимъ образомъ, независимой не только отъ экономическихъ достатковъ, но и отъ психики населенія.

Насколько финансовое вѣдомство цѣнитъ это, показываетъ, между прочимъ, и его отношеніе къ тому источнику государственныхъ доходовъ, который въ росписяхъ фигурируетъ подъ именемъ „пошлинъ“. По своему характеру, какъ мы имѣли уже случай отмѣтить, онѣ приближаются къ косвеннымъ налогамъ, но при взиманіи ихъ правительство должно входить въ сношенія съ самимъ плательщикомъ, которому при этомъ не остается безызвѣстной сумма взимаемаго съ него налога. По этой, можетъ быть, причинѣ въ своей податной политикѣ финансовое вѣдомство всегда и сближало пошлины не съ косвенными, а съ прямыми налогами. Имъ, какъ мы видѣли, предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы сдержать естественный ростъ этихъ сборовъ, получаемыхъ главнымъ образомъ съ имущихъ классовъ.

Предусмотрительное желаніе не портить отношеній съ плательщикомъ и не напоминать ему безъ нужды о размѣрахъ платимаго имъ налога можно прослѣдить даже въ мелочахъ. На пассажирскомъ билетѣ вы теперь не найдете обозначавшейся прежде суммы государственнаго сбора, на чайной или спичечной бандероли вы не встрѣтите указаній на ея стоимость. Это стремленіе совершенно слить налогъ со стоимостью продукта, и при томъ не только въ глазахъ потребителя, но и въ сознаніи мыслящаго общества, вызвало къ жизни даже новыя формы налоговаго обложенія. Къ одной изъ такихъ въ высшей степени интересныхъ формъ „сосредоточенія народныхъ рессурсовъ въ однѣхъ рукахъ“ мы теперь и обратимся.

III.

Если сравнить росписи, раздѣленныя между собою десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, то по важнѣйшимъ отдѣламъ государственныхъ доходовъ мы получимъ такія цифры:

	Въ милліонахъ руб 1892 г.	1902 г.	% увеличенія
Косвенные налоги	417	387	— 8
Прямые налоги и выкупные платежи	164	217	+ 32
Пошлины	59	92	+ 56
Казенные имущества и капиталы	139	508	+ 265
Правительственныя регаліи . .	36	522	+ 1350

Косвенные налоги, значенію которыхъ мы посвятили такъ много мѣста, оказывается, даже уменьшились Но это уменьшеніе только видимое и объясняется исключительно новымъ порядкомъ составленія росписи на 1902 г. Начиная съ этого года, питейный сборъ въ громадной своей части считается уже не косвеннымъ налогомъ, а доходомъ отъ правительственной регаліи. Если предположить, что онъ включенъ въ смѣту 1902 г. въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и въ предыдущемъ году, то общая сумма косвенныхъ налоговъ съ питейнымъ сборомъ по росписи текущаго года должна равняться 671 мил. руб., т. е. быть не ниже, а выше цифры 1892 г. на 254 милліона (для прямыхъ налоговъ такое же повышеніе составляетъ всего лишь 53 мил.). Съ другой стороны, доходъ отъ регалій долженъ опуститься до 238 милліоновъ, а процентъ ихъ увеличенія сравнительно съ 1892 г. до 561.

Какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ цифръ видно, что сосредоточеніе народныхъ рессурсовъ происходило не только путемъ усиленія налоговаго обложенія, но и посредствомъ развитія государственнаго хозяйства. Расширеніе послѣдняго составляетъ, дѣйствительно, одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей интересующей насъ финансовой системы.

По отдѣлу казенныхъ имуществъ государственные доходы сильнѣе всего возросли по желѣзнодорожному хозяйству (съ 81 мил. въ 1892 г. до 396 мил.—въ 1902 г.). Но доходы этого рода цѣликомъ относятся къ доходамъ оборотнымъ, т. е. они сопряжены съ равновеликими и даже значительно превышающими ихъ расходами. Уже изъ этого видно, что скопленіе рессурсовъ при помощи желѣзнодорожнаго хозяйства имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ при посредствѣ налоговъ. Каково это значеніе, мы увидимъ ниже.

Среди регалій первое и даже исключительное мѣсто по размѣрамъ доставляемаго дохода занимаетъ винная монополія. 10 лѣтъ тому назадъ соотвѣтствующей статьи вовсе не значилось въ рос-

писи, по смѣтѣ же на текущій годъ „доходъ отъ казенной продажи питей“ значится въ количествѣ 463 мил. Какъ уже упомянуто, въ этой суммѣ засчитана значительная часть прежняго питейнаго сбора Если ее исключить, то доходъ отъ монополіи на 1902 годъ опредѣлится въ 179 мил. Этотъ доходъ въ значительной своей части тоже оборотный: на расходы по веденію и распространенію казенной продажи питей въ роспись 1902 г. внесено 161 мил. руб. Нельзя сказать, чтобы излишекъ въ доходахъ былъ великъ, но и за всѣмъ тѣмъ представляется не безынтереснымъ прослѣдить его происхожденіе.

Введеніе винной монополіи, какъ извѣстно, съ самаго начала мотивировалось не финансовыми только соображеніями, но и цѣлями „борьбы съ вредными сторонами питейнаго дѣла, въ интересахъ поддержанія доброй нравственности, предупрежденія экономическаго упадка населенія и охраны народнаго здравія“. Этотъ мотивъ и въ послѣдующее время неизмѣнно выдвигался на первый планъ. „При преобразованіи системы взиманія питейнаго налога“, читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1899 годъ, „отнюдь не имѣлось въ виду найти въ этомъ мѣропріятіи источникъ для непосредственнаго умноженія государственныхъ доходовъ. Министръ финансовъ почиталъ себя обязаннымъ ходатайствовать объ изъятіи торговли крѣпкими напитками изъ рукъ частныхъ предпринимателей и о монополизаціи этого дѣла казною, главнымъ образомъ, съ тою цѣлью, чтобы положить конецъ неустроенному состоянію питейнаго вопроса. Потребленіе у насъ алкоголя, сравнительно съ другими странами, не велико, но крайне неравномѣрно. Въ частной торговлѣ вино и спиртъ появляются нерѣдко съ вредными, расшатывающими здоровье, примѣсями. Самыя условія этой торговли, допускающей при неразборчивости въ средствахъ извлеченіе изъ нея наибольшихъ выгодъ, способствовали укорененію многообразныхъ злоупотребленій, разорявшихъ низшіе классы народа. Устранить эти печальныя явленія могла лишь передача питейной торговли въ распоряженіе казны“.

Насколько удовлетворительно разрѣшена эта главная задача питейной реформы,—этотъ вопросъ до сихъ поръ остается безъ достаточно рѣшительнаго отвѣта. Правда, мы имѣемъ уже цѣлый рядъ изслѣдованій оффиціальнаго и оффиціознаго происхожденія,

свидѣтельствующихъ о несомнѣнно благотворныхъ результатахъ реформы но, съ другой стороны, почти вся частная печать не можетъ отдѣлаться отъ сильныхъ сомнѣній на этотъ счетъ, а газеты то и дѣло приносятъ факты, указывающіе на законность этихъ сомнѣній. Если мы обратимся къ даннымъ документальнаго характера, то и тутъ встрѣтимъ непримиримыя противорѣчія. Напримѣръ, по вопросу о вліяніи монополіи на преступность во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1899 годъ мы встрѣчаемъ вполнѣ опредѣленное заявленіе, что съ введеніемъ монополіи „пьянство замѣтно уменьшилось; разгулъ съ неизбѣжными его проявленіями уступилъ мѣсто болѣе равномѣрному потребленію вина; число противозаконныхъ дѣяній, совершаемыхъ подъ воздѣйствіемъ опьяненія, замѣтно сократилось". А въ циркулярѣ министра финансовъ, послѣдовавшемъ два года спустя на имя предсѣдателя губернскихъ комитетовъ трезвости, говорится, что въ министерствѣ финансовъ „имѣются указанія на то, что казенное вино по своей цѣнѣ слишкомъ доступно для населенія и, отличаясь отъ вина, поступавшаго прежде въ потребленіе изъ частныхъ питейныхъ заведеній, своею крѣпостью производитъ на потребителей болѣе одуряющее дѣйствіе, чѣмъ и объясняется замѣчаемое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увеличеніе числа преступленій и проступковъ, совершенныхъ въ состояніи опьяненія". Обнаружившаяся во многихъ мѣстностяхъ послѣ введенія монополіи и въ непосредственной связи съ нею необходимость усиленія штата полиціи также, какъ будто, указываетъ, что говорить объ уменьшеніи преступности пока преждевременно. Если мы прислушаемся, наконецъ, къ народному говору, то и въ такомъ случаѣ не получимъ достаточно опредѣленныхъ представленій о нѣкоторыхъ сторонахъ казенной продажи питей. Даже стоящая по оффиціальнымъ даннымъ внѣ сомнѣнія лучшая очистка казеннаго вина въ народной средѣ нерѣдко оспаривается. Не касаясь поэтому нравственнаго и гигіеническаго значенія питейной реформы, остановимся лишь на ея финансово-экономической сторонѣ.

Питейные сборы съ давнихъ поръ играютъ видную роль въ финансовомъ хозяйствѣ русскаго государства. Въ XVIII вѣкѣ по отношенію къ нимъ „непремѣннымъ правиломъ было собирать каждый годъ больше предыдущаго, для чего цѣловальникамъ разрѣшалось дѣйствовать „безстрашно" и при томъ такъ, чтобы не

отгонять „питуховъ“ *). Прямо задаваться такимъ же правиломъ на рубежѣ XX вѣка, конечно, по многимъ причинамъ неудобно. Однако, и теперь министръ финансовъ, какія-бы высокія цѣли онъ ни ставилъ своей политикѣ, не можетъ игнорировать громаднаго значенія питейныхъ доходовъ; питейный сборъ до сихъ поръ остается важнѣйшимъ изъ налоговъ, какой несетъ страна, и отказаться отъ него, пока не будетъ реформирована вся податная система, немыслимо. И мы знаемъ, хотя бы изъ цитированнаго выше доклада, что „удовлетворительные финансовые результаты“ питейной реформы озабочивали министра финансовъ, пожалуй, не меньше той „главной цѣли“, какая выдвигалась имъ на первый планъ. И надо отдать полную справедливость, что съ точки зрѣнія интересовъ фиска эта реформа была предпринята вполнѣ своевременно и проведена послѣдовательно и неуклонно.

Выше была приведена выдержка изъ доклада на 1902 г., изъ которой видно, что потребленіе спирта за послѣднее десятилѣтіе все время колебалось около полуведра сорокоградуснаго вина на одного жителя. Если взять болѣе продолжительный періодъ и присмотрѣться болѣе внимательно къ колебаніямъ цифръ, то необходимо будетъ придти къ нѣсколько иному выводу. Душевое потребленіе вина въ 1885 г. равнялось 0,70 ведра, а въ 1894 г.— наканунѣ введенія винной монополіи — оно опустилось до 0,53 ведра, т. е. за 10 лѣтъ упало на 25 проц. И послѣ того, хотя и медленнѣе, оно продолжало падать, опустившись къ 1897 и 1898 гг. до нормы голодныхъ лѣтъ (0,50 ведра на душу). Въ 1899 и 1900 гг. потребленіе нѣсколько увеличилось, но въ 1901 г. вновь упало до 0,49 ведра на душу. Во всякомъ случаѣ, паденіе отъ 1885 къ 1893 г. происходило столь неуклонно и быстро, что должно было серьезно озабочивать финансоваго дѣятеля, который считалъ необходимымъ сохранить за питейными сборами ихъ центральное мѣсто въ доходномъ бюджетѣ.

Что казенная продажа питей должна была поддержать падавшее значеніе питейнаго сбора, это видно уже изъ того порядка, въ какомъ она вводилась. Монополія была введена прежде всего въ 4 восточныхъ губерніяхъ, въ которыхъ душевое потребленіе

*) Брандтъ. Питейные сборы. Энциклоп. словарь Брокгауза и Ефрона, т 23, стр. 731.

водки было наименьшее, а именно 0,35 ведра на душу (въ 1893—1895 гг., когда среднее потребленіе по Европейской Россіи равнялось 0,57 ведра). На слѣдующую очередь были поставлены юго-западныя, сѣверо-западныя и тѣ изъ малороссійскихъ губерній, въ которыхъ наблюдалось особенно быстрое сокращеніе душевого потребленія; напротивъ, къ послѣдней очереди были отнесены губерніи, въ которыхъ это сокращеніе было наименьшимъ и даже обнаруживалось нѣкоторое увеличеніе, а именно: среднія черноземныя губерніи, прибалтійскія и среднія промышленныя.

Введеніемъ монополіи сокращеніе душевого потребленія было задержано, но только на время. Для поддержанія за питейными сборами ихъ прежняго значенія, и тѣмъ болѣе для увеличенія ихъ нужны были другія мѣры. При казенной продажѣ питей вполнѣ доступной и крайне удобной для финансоваго вѣдомства мѣрой явилась цѣна на водку. Послѣдняя устанавливалась законодательнымъ порядкомъ, но въ крайне широкихъ предѣлахъ, отъ 6 р. 40 коп. до 9 р. за ведро Въ предѣлахъ этихъ нормъ министерство финансовъ назначало сначала разныя цѣны для различныхъ мѣстностей, при томъ нерѣдко съ такимъ разсчетомъ, что цѣны на водку были ниже по окраинамъ и выше внутри монопольныхъ районовъ. Къ 1902 г., когда монополіей была охвачена почти вся Россія, цѣна на водку установлена однообразная для всѣхъ мѣстностей, а именно въ 7 р. 60 коп. за ведро сорокоградуснаго вина.

При вольной продажѣ питей цѣна водки колебалась въ предѣлахъ отъ 5 р. 50 коп. до 6 р. за ведро. Послѣ повышенія акциза въ 1900 году (на 40 коп. съ ведра), вольная цѣна водки должна была бы установиться въ среднемъ около шести рублей съ небольшимъ. Цѣна, взимаемая въ настоящее время казною, выше, такимъ образомъ, этой вѣроятной вольной цѣны, по крайней мѣрѣ, на 1 р. 50 коп. *). Правда, казенная водка по очи-

*) Обыкновенно указываютъ, что въ продажѣ мелкою посудою казенная водка обходится потребителю дешевле, чѣмъ обходилась прежде вольная при чарочной продажѣ, но при этомъ забываютъ, что за цѣну чарки дореформенный кабакъ почти всегда предоставлялъ закуску и помѣщеніе для распитія водки, въ чемъ отказываетъ казенная винная лавка. Необходимо также замѣтить, что продажа малыми мѣрами, особенно въ сельскихъ мѣстностяхъ, играетъ очень незначительную роль. По даннымъ за 1898 г.

ткѣ считается лучше. Но стоимость работъ по очисткѣ, судя по даннымъ заводской статистики, должна составлять всего лишь 20 коп съ ведра. Если даже допустить, что вольная водка вовсе не очищалась, то и въ такомъ случаѣ ея цѣна была ниже казенной на 1 р. 30 коп. съ ведра. Эта переплата, которую потребитель долженъ дѣлать на казенной водкѣ,—переплата принудительная и ничѣмъ въ сущности не отличается отъ налога *) хотя въ отчетахъ она и сливается съ цѣною продукта. Общее количество потребляемаго въ Россіи спирта достигаетъ 60 мил. ведеръ сорокоградуснаго вина. Такимъ образомъ, общая сумма, переплачиваемая потребителемъ на казенной водкѣ, достигаетъ по меньшей мѣрѣ 78 мил. рублей.

Изъ этой суммы казна надѣется удержать въ 1902 г. въ своемъ распоряженіи, судя по нашему, невольно приблизительному, разсчету, всего 20 мил р., остальные же ей придется израсходовать на содержаніе служащихъ и другіе предметы по продажѣ питей. Такіе результаты казеннаго хозяйства едва-ли могутъ считаться утѣшительными. Особенно же неблагопріятными представляются они, если мы примемъ во вниманіе тѣ несравненно болѣе выгодныя условія, въ которыхъ находится казна сравнительно съ частными торговцами, занимавшимися продажею питей. Послѣдніе, принужденные оплачивать акцизъ за много раньше, чѣмъ соотвѣтствующія суммы выплачивались имъ потребителями, должны были вкладывать въ винную торговлю громадные капиталы. Обращаясь въ дѣлѣ, эти капиталы, какъ мы уже говорили, должны были приносить процентъ. Если мы допустимъ, что связанные акцизомъ капиталы равнялись лишь половинѣ общей суммы его, то и въ такомъ случаѣ они достигали огромной цифры въ 150 мил. рублей и требовали для себя оплаты (считая торговый процентъ равнымъ 20), въ 30 мил. р. Для казны предварительная уплата акциза не обязательна, и потому вложенные ею въ дѣло капи-

---

въ двухсоткахъ казенной водки было продано всего лишь около 3 проц и въ соткахъ—15 проц Наконецъ, не лишне напомнить, что теперь и за казенную водку въ мелкой посудѣ цѣна взимается выше, чѣмъ при покупкѣ ведрами и бутылками.

*) Разнится отъ налога она только тѣмъ, что размѣры ея устанавливаются распоряженіемъ министерства финансовъ, т. е болѣе упрощеннымъ, порядкомъ, чѣмъ для остальныхъ налоговъ.

талы могли быть меньше на всю указанную сумму. При такихъ условіяхъ, сохранивъ даже прежнюю цѣну на водку, она, казалось бы, могла имѣть барышъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей Между тѣмъ, обложивъ потребителя новымъ громаднымъ налогомъ, она получаетъ въ сущности ничтожную прибавку къ тому, что могла бы получить, и безъ этого новаго обложенія, отъ одного акциза.

Нашъ бѣглый, схематическій разсчетъ, конечно, не можетъ претендовать на точность, но финансовая неудача монополіи и изъ него обнаруживается съ достаточною наглядностью Самъ собою возникаетъ вопросъ, для чего она вводилась и отчего министерство финансовъ не предпочло идти прежнимъ, хорошо протореннымъ путемъ—путемъ новаго и новаго повышенія акциза? Причинъ для этого было, конечно, много. Одно изъ первыхъ мѣстъ занимали, вѣроятно, не оправдавшіяся потомъ въ дѣйствительности надежды на возможность съ успѣхомъ вести торговое дѣло при посредствѣ бюрократической организаціи. Не слѣдуетъ затѣмъ упускать изъ виду, что на ряду съ повышеніемъ цѣны на водку, финансовое вѣдомство два раза въ теченіе десятилѣтія принуждено было прибѣгать и къ повышенію акциза. Далѣе, какъ мы уже указали, въ дѣлѣ повышенія цѣны на казенную водку финансовое вѣдомство могло чувствовать себя несравненно свободнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ повышенія акциза.

Были, конечно, и еще причины, заставлявшія остановиться на монополіи, какъ на наиболѣе подходящемъ средствѣ для осуществленія данной финансово-экономической системы. Несомнѣнно, далеко не послѣднюю роль сыграло въ этомъ случаѣ желаніе освободить громадные капиталы, обращавшіеся въ винной торговлѣ. Эта задача теперь выполнена. Освобожденные капиталы въ одной своей части поступили или поступятъ (посредственно или непосредственно) въ сберегательныя кассы, а стало быть, и въ распоряженіе финансоваго вѣдомства; другая ихъ часть направилась или направится въ сферу обрабатывающей промышленности и, такимъ образомъ, оказала или еще окажетъ значительную услугу дѣлу оживленія послѣдней, а, стало быть, и правительству, которое все десятилѣтіе было этимъ озабочено. Наконецъ, независимо отъ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя могутъ поступать въ распоряженіе казны, развитіе казеннаго хозяйства, умножая число лицъ,

непосредственно подчиненныхъ администраціи, тѣмъ самымъ уже содѣйствуетъ расширенію и усиленію ея власти. А эта цѣль, какъ мы имѣли уже возможность убѣдиться, является доминирующею въ той программѣ, которой придерживается нынѣшнее министерство финансовъ.

Намъ остается прибавить, что, осуществляя эту цѣль, министерство финансовъ не ограничивалось сосредоточеніемъ все большаго и большаго количества народныхъ рессурсовъ въ своихъ рукахъ и устраненіемъ по возможности всѣхъ,—формальныхъ и матеріальныхъ, экономическихъ и психологическихъ,—стѣсненій въ дѣлѣ распоряженія ими. Параллельно съ этимъ происходило постепенное, но неуклонное ограниченіе права распоряженія народными доходами со стороны частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ. Достигалось это усиленіемъ административнаго вліянія на частное и общественное хозяйство. Достаточно напомнить, что во всѣхъ почти банкахъ и мало-мальски крупныхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ и промышленныхъ союзахъ теперь имѣются уже представители министерства финансовъ; что контроль надъ расходами земствъ и городовъ значительно усиленъ, и что самое право земскихъ учрежденій производить расходы за общественный счетъ ограничено очень тѣсными рамками, указанными въ законѣ о предѣльности земскаго обложенія.

IV.

Усиленное сосредоточеніе народныхъ рессурсовъ въ рукахъ фиска, какъ мы видѣли, не сопровождалось сколько-нибудь замѣтнымъ ихъ накопленіемъ и поэтому отнюдь не можетъ считаться самодовлѣющей цѣлью нынѣ дѣйствующей финансово-экономической системы. Скопидомство, являвшееся во времена Ивана Калиты, по выраженію П. Н. Милюкова, „самой коренной, самой натуральной и наименѣе идеологической традиціей“ московскаго правительства, давно уже изжило свой вѣкъ и уступило мѣсто въ русской государственной жизни другимъ, болѣе широкимъ перспективамъ. Въ сферѣ государственнаго хозяйства и финансово-экономической политики въ наши дни можно ставить двоякаго рода задачи: можно стремиться, съ одной стороны, удовлетворить за общій счетъ тѣ или иныя потребности, а съ другой—повліять

на экономическую жизнь страны въ цѣляхъ измѣненія или количества создаваемыхъ въ ней хозяйственныхъ благъ, или распредѣленія ихъ среди населенія. Чтобы уяснить себѣ, какая изъ этихъ „идеологическихъ“ задачъ занимаетъ болѣе видное мѣсто въ программѣ нынѣшняго министерства финансовъ, мы должны прежде всего присмотрѣться къ тѣмъ непосредственнымъ назначеніямъ, какія получаютъ собираемые казною рессурсы, т. е къ расходнымъ статьямъ государственнаго бюджета

Расходныя смѣты, какъ извѣстно, составляются у насъ по „вѣдомствамъ“, при чемъ суммы, достающіяся на долю отдѣльныхъ вѣдомствъ, колеблются въ очень широкихъ предѣлахъ—отъ двухъ-трехъ до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ руб. Если мы возьмемъ роспись 1902 и разнесемъ чрезвычайные расходы по соотвѣтствующимъ рубрикамъ обыкновеннаго бюджета, то увидимъ, что выдающееся положеніе среди вѣдомствъ занимаютъ:

Министерство путей сообщенія	съ бюджетомъ	въ	601,2	мил руб.
Министерство финансовъ	„	„	340,2	„ „
Военное министерство	„	„	325,6	„ „

Сотни милліоновъ мы встрѣчаемъ еще только въ одномъ отдѣлѣ росписки—въ платежахъ по займамъ (286,5 мил руб.), каковой расходъ помѣщается внѣ министерскихъ смѣтъ. Полученныя отъ займовъ суммы въ свое время были израсходованы почти исключительно на военныя и желѣзнодорожныя надобности, а фактическое завѣдываніе кредитными операціями и платежами по займамъ сосредоточено въ министерствѣ финансовъ. По тремъ названныхъ вѣдомствамъ расходуется, такимъ образомъ, $^4/_5$ всего государственнаго бюджета. На долю остальныхъ одиннадцати вѣдомствъ приходится лишь $^1/_5$, при чемъ смѣты ихъ не выходятъ изъ предѣловъ первой сотни, а нѣкоторыхъ—и перваго десятка милліоновъ рублей. Если судить по этимъ цифрамъ, то важнѣйшею функціею государства въ настоящее время приходится считать поддержаніе и развитіе путей сообщенія. Утрируя этотъ выводъ, можно сказать, что ради этой потребности населеніе производитъ траты на войско, долженствующее обезпечить государству возможность выполненія важнѣйшей его задачи, и на финансовое вѣдомство, изыскивающее необходимыя для этого средства. Не смотря на всю грубость и парадоксальность такого представленія о задачахъ и сущности современной государственной

организаціи, оно, какъ увидимъ ниже, въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствуетъ тому фактическому положенію дѣлъ въ финансово-экономической сферѣ, какое явилось послѣдствіемъ, съ одной стороны, сознательныхъ мѣропріятій, а съ другой—стихійныхъ процессовъ экономической эволюціи.

Присмотримся, однако, ближе къ общей конструкціи расходнаго бюджета, не ограничиваясь отдѣльными, выпятившимися, такъ сказать, цифрами. Группируя вѣдомства по основнымъ потребностямъ *), для обслуживанія которыхъ они призваны, мы можемъ всѣ государственные расходы представить въ слѣдующемъ видѣ:

	По росписи 1892 г. Мил руб	%	По росписи 1902 г. Мил. руб.	%
Внѣшняя безопасность (министерства иностр дѣлъ, военное и морское)	313,7	32,5	429,8	22,1
Внутреннее управленіе (выш. государств учрежденія и министерства внутр дѣлъ и юстиціи)	107,6	11,2	143,7	7,4
Духовная культура (св синодъ и министерство народн просвѣщенія)	33 3	3,5	64,6	3,3
Матеріальная культура (министерства землед и государств. имуществъ, путей сообщенія и госуд коннозав.)	123,0	12,7	646,5	33,2
Фискъ (министерство финансовъ и госуд контроль)	123,3	12,8	347,8	17,9
Платежи по займамъ	247,8	25,6	286,5	14,7
Общіе расходы (министерство двора и непредв надобности) . .	16 6	1,7	27,7	1,4
	965,3	100	1946,6	100

*) Распредѣленіе государственныхъ функцій между вѣдомствами не представляетъ у насъ строго выдержанной системы. Въ своемъ анализѣ расходнаго бюджета мы предпочитаемъ, однако, придерживаться принятой въ росписи группировки по вѣдомствамъ, такъ какъ иная, болѣе естественная группировка статей не всегда представляется возможной При томъ, основныя задачи каждаго вѣдомства, несомнѣнно, кладутъ извѣстный отпечатокъ на выполненіе имъ и другихъ, до извѣстной степени стоящихъ въ связи съ ними, функцій и потому всякая иная классификація статей могла бы оказаться тоже въ значительной мѣрѣ искусственной Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы указываемъ нѣкоторыя изъ возможныхъ поправокъ къ принятой нами группировкѣ.

Десять лѣтъ тому назадъ охрана внѣшней безопасности занимала первое мѣсто среди государственныхъ потребностей Послѣ того, хотя абсолютная цифра расходовъ на этотъ предметъ и увеличилась болѣе, чѣмъ на 100 мил. руб., но относительное значеніе ихъ въ государственномъ бюджетѣ замѣтно упало. Въ этомъ нельзя, однако, видѣть спеціальной особенности дѣйствующей нынѣ системы, такъ какъ ту же тенденцію можно прослѣдить на протяженіи уже двухъ столѣтій. Въ 1701 г. *) расходы на армію и флотъ поглощали почти $^4/_5$ государственнаго бюджета, въ 1801 г.—половину, въ началѣ девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія менѣе $^1/_3$, а теперь менѣе $^1/_4$. Сравнительно быстрое уменьшеніе процента военныхъ расходовъ при нынѣшнемъ министерствѣ сопровождалось сравнительно быстрымъ возрастаніемъ абсолютной ихъ цифры.

Нѣсколько иной характеръ на фонѣ исторической перспективы имѣетъ уменьшеніе процента расходовъ на внутреннее управленіе. Когда-то вовсе ничтожные, составлявшіе при Петрѣ Великомъ лишь 2%, расходы этого рода въ исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій обнаружили замѣтную тенденцію къ возрастанію не только по абсолютной, но и по относительной своей цифрѣ. Правда, возрастаніе это не было неуклоннымъ и процентъ расходовъ на управленіе, довольно быстро поднимаясь въ періоды внутреннихъ преобразованій, опускался обыкновенно въ эпохи замедленнаго или регрессивнаго хода государственной жизни. Въ 1801 г. расходы на администрацію и судъ составляли 9% государственнаго бюджета, въ срединѣ царствованія Николая I—7%, въ 1870 г.—въ концѣ десятилѣтія реформъ—13%, десять лѣтъ тому назадъ менѣе 11, теперь опять спускаются къ 7.

Чрезвычайно медленное, не соотвѣтствовавшее усложненію жизни, возрастаніе государственныхъ расходовъ на судъ и управленіе, заставляло изыскивать иныя средства для удовлетворенія наиболѣе неотложныхъ съ точки зрѣнія правительства нуждъ въ этой области. Въ связи съ дѣятельностью земскихъ начальниковъ за послѣднее десятилѣтіе, какъ извѣстно, сильно возросли расходы крестьянскихъ сословныхъ обществъ на общія нужды суда и управленія. Значительно увеличились также за это время расходы

*) Цифры за прежнее время заимствуемъ у П. Н. Милюкова. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, изд. 4-е. Спб. 1900 г.

городскихъ обществъ на содержаніе полиціи. Къ расходамъ на послѣднюю все чаще и чаще стали привлекаться и частные обыватели, съ одной стороны, въ лицѣ домовладѣльцевъ путемъ возложенія на нихъ обязанностей содержать въ усиленномъ числѣ сторожей и дворниковъ, а съ другой — въ лицѣ фабрикантовъ путемъ отнесенія на ихъ счетъ расходовъ по содержанію не только полицейскихъ кадровъ, но и арестантскихъ помѣщеній *). Не смотря на эти мѣры, для поддержанія порядка и внутренней государственной безопасности гражданскому начальству все чаще и чаще приходится прибѣгать къ содѣйствію военнаго вѣдомства, каковое обстоятельство косвеннымъ образомъ сказалось даже на увеличеніи военнаго бюджета. Въ смѣтѣ военнаго министерства замѣтное уже мѣсто занимаютъ, напримѣръ, расходы по содержанію отдѣльнаго корпуса жандармовъ, каковые по смѣтѣ 1902 года пришлось увеличить сразу на 26%. Чрезвычайно медленный ростъ государственныхъ ассигнованій на внутреннее управленіе сопровождался, такимъ образомъ, односторонним развитіемъ функцій послѣдняго и возрожденіемъ далеко не совершенныхъ формъ ихъ отправленія.

Средства и силы, которыя правительство находило внѣ соотвѣтствующихъ статей государственнаго бюджета и внѣ соотвѣтствующихъ органовъ государственной власти, позволили ему усилить и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, быть можетъ, усовершенствовать наиболѣе важныя для него отрасли полицейской службы, чего далеко нельзя сказать о другихъ сторонахъ внутренняго управленія и въ особенности о судебныхъ функціяхъ государства. Въ общемъ, законодательство, судъ и администрація не только не прогрессировали съ усложненіемъ жизни въ своихъ формахъ, но и въ тѣхъ, какія перешли отъ недавняго прошлаго, съ большимъ трудомъ лишь успѣвали выполнять лежащія на нихъ обязанности Въ газетахъ были оглашены какъ-то свѣдѣнія о той массѣ дѣлъ, которыя изъ года въ годъ остаются нерѣшенными въ сенатѣ, и при томъ всецѣло по недостатку личныхъ силъ даже въ этомъ высшемъ судебномъ учрежденіи имперіи. Не ме-

*) Потребность въ усиленіи полиціи оказалась, однако, настолько неотложной, что, не смотря на всѣ вышеуказанныя мѣры, государственному казначейству пришлось экстренно увеличить и свои ассигнованія на этотъ предметъ.

нѣе, а, быть можетъ, еще болѣе обремененными являются и другія судебныя инстанціи. Всѣмъ извѣстны также крайне низкія нормы вознагражденія и несоотвѣтствующее личному составу обиліе дѣлъ въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ канцеляріяхъ. Крайне медленное и не всегда поспѣвающее за жизнью рѣшеніе вопросовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ также объясняется, вѣроятно, не только формами дѣлопроизводства, но и несоотвѣтствіемъ все умножающагося количества работы съ медленно измѣняющимися штатами. Если бы не изъятіе изъ вѣдѣнія судебной компетенціи значительнаго числа дѣлъ, и не разрѣшеніе многихъ вопросовъ упрощеннымъ, внѣ установленныхъ формъ порядкомъ,—что такъ широко практиковалось за послѣдніе годы,—то противорѣчіе между медленнымъ ростомъ разсматриваемой категоріи расходовъ и быстрымъ наростаніемъ потребностей было бы, вѣроятно, еще замѣтнѣе.

Едва ли нужно говорить, что усовершенствованіе суда и управленія не можетъ сводиться къ простому умноженію кадра занятыхъ этимъ дѣломъ чиновниковъ и къ отпуску необходимыхъ средствъ на ихъ содержаніе. Исторія свидѣтельствуетъ, что съ усложненіемъ жизни періодически возникаетъ потребность въ радикальномъ измѣненіи самыхъ формъ, въ которыхъ происходитъ отправленіе этихъ крайне важныхъ государственныхъ функцій, и что такая государственная перестройка всегда требуетъ усиленной затраты рессурсовъ. Между тѣмъ, при данной системѣ государственнаго хозяйства, не смотря на громадное количество собиравшихся и расходовавшихся средствъ, не только не было предпринято крупныхъ внутреннихъ преобразованій, но и данныя формы государственной жизни поддерживались далеко не въ полной мѣрѣ. Изъ этого мы вправѣ заключить, что удовлетвореніе кардинальной потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ не можетъ считаться той основной цѣлью, ради которой въ послѣднее десятилѣтіе производилась централизація доходовъ въ описанныхъ нами размѣрахъ и формахъ.

Потребности духовной культуры не сохранили въ государственномъ бюджетѣ даже того скромнаго мѣста, какое они занимали десять лѣтъ тому назадъ. На ряду съ уменьшеніемъ процента государственныхъ расходовъ на этотъ предметъ, произошло характерное измѣненіе въ отдѣльныхъ слагаемыхъ, изъ которыхъ

составились вышеприведенныя бюджетныя цифры. Въ 1892 г. бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія (22 мил. р.) въ два раза превосходилъ бюджетъ духовнаго вѣдомства (11 мил. р.), а теперь разница между ними (36,6 и 28 мил. руб.) составляетъ лишь 30%. Первый возрасталъ медленнѣе общей цифры государственныхъ расходовъ, а второй—быстрѣе. Необходимо, однако, замѣтить, что вниманіе къ религіознымъ нуждамъ, которымъ зарекомендовала себя государственная власть въ послѣднее десятилѣтіе, имѣло мѣсто по отношенію лишь къ православному населенію. Вносимая въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ цифра на однородныя потребности иновѣрческаго населенія за то же время почти не измѣнилась (въ 1892 г.—1.745 т. р., въ 1902 г.—1.744 т. р.). Что касается процента расходовъ на министерство народнаго просвѣщенія, то въ послѣднее десятилѣтіе онъ измѣнилъ наблюдавшейся въ прежнее время тенденціи къ возрастанію, хотя бы и самому медленному: съ 2,27 въ 1892 году онъ понизился до 1,88—въ 1902.

Во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1902 г. министръ финансовъ указываетъ, что „по суммѣ ассигнованій, разрѣшаемыхъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, никоимъ образомъ нельзя судить о размѣрѣ затратъ, производимыхъ въ дѣйствительности на учебныя и разнообразныя потребности“. Не говоря о значительныхъ расходахъ на этотъ предметъ изъ мірскихъ, земскихъ, городскихъ и т. д. суммъ, „даже непосредственные расходы государственнаго казначейства на учебно-образовательное дѣло у насъ не ограничиваются смѣтою министерства народнаго просвѣщенія, а производятся также въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ и по смѣтамъ другихъ вѣдомствъ“. Дѣйствительно, если мы соберемъ всѣ такіе расходы на учебную часть, то увидимъ, что общая цифра ихъ сохранила прежнее отношеніе къ бюджетному итогу. Но при этомъ найдемъ, что въ то время, какъ расходы на общее образованіе, обслуживаемое министерствомъ народнаго просвѣщенія, увеличились въ $1^1/_2$ съ небольшимъ раза (съ 21,9 до 36,6 мил.), на спеціальное образованіе—въ два (съ 9,5 до 19,4), расходы на учебныя заведенія духовнаго вѣдомства въ 7 слишкомъ разъ (съ 1,7 до 13,0 мил.). Уже изъ этого видно, что не столько потребности населенія въ просвѣщеніи привлекали къ себѣ вниманіе государственной власти,

сколько тѣ служебныя цѣли, которыя ставились образованію въ сферѣ общей и экономической политики. Не лишне въ данномъ мѣстѣ будетъ также напомнить, что земскія ассигновки на общее начальное образованіе во вторую половину разсматриваемаго десятилѣтія были значительно затруднены сначала протестами губернской власти, а въ послѣдніе годы, когда ссылался на нихъ г. министръ финансовъ,—и закономъ о предѣльности земскаго обложенія. Какъ бы то ни было, изъ милліарда, на который возросли государственные расходы, на потребности образованія и вообще духовной культуры стало удѣляться лишнихъ всего три—четыре десятка мил. руб., т. е 3—4%, и, очевидно, не этими потребностями былъ вызванъ неимовѣрно быстрый ростъ государственнаго бюджета.

Не требовали такого усиленнаго сосредоточенія рессурсовъ и платежи по займамъ, которые возросли всего на 39 мил. руб. и стали отнимать, вмѣсто четверти, лишь одну седьмую часть государственнаго бюджета. Медленное возрастаніе этой категоріи расходовъ нельзя объяснять однимъ нежеланіемъ министерства „оставлять послѣдующимъ поколѣніямъ тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ“, съ которымъ намъ пришлось имѣть дѣло въ предыдущемъ изложеніи. Государственные процентные долги возросли за послѣднее десятилѣтіе на 1.748 мил. р. (съ 4.732 до 6 480 мил. р.), т. е. тяжелое наслѣдіе увеличилось за это время на 37%. Но, благодаря счастливой конъюнктурѣ, какая наблюдалась въ теченіе большей части разсматриваемаго десятилѣтія на міровомъ денежномъ рынкѣ, финансовому вѣдомству удалось путемъ конверсій, начатыхъ еще предшественникомъ г. Витте, уменьшить процентную норму по государственнымъ займамъ. Путемъ тѣхъ же конверсій значительная часть срочныхъ обязательствъ была обращена въ безсрочныя, чѣмъ значительно уменьшена также сумма расходовъ на погашеніе капитальной части государственнаго долга. Такимъ образомъ, прибавивъ свою долю къ „тяжелому наслѣдству“, мы уклонились отъ уплаты своей части въ нѣкоторыхъ долгахъ прежнихъ поколѣній. Во всякомъ случаѣ, забота о будущихъ потомкахъ, поскольку таковая выражается въ кредитныхъ операціяхъ государства, имѣла и имѣетъ очень условное значеніе въ практикѣ нынѣшняго министерства финансовъ.

На всѣ разсмотрѣнныя нами потребности государственные рас-

ходы увеличились съ 1892 по 1902 г. менѣе, чѣмъ на 200 мил. р., а на тѣ, которыя были объединены нами подъ рубриками: „матеріальная культура"—болѣе, чѣмъ на 500 мил. руб. Въ этихъ послѣднихъ, очевидно, и нужно искать центръ тяжести нынѣшней системы государственнаго хозяйства, поскольку она сказывается въ бюджетѣ.

Три вѣдомства, расходы которыхъ отнесены нами въ рубрику „матеріальная культура", вѣдаютъ государственное хозяйство (въ тѣсномъ смыслѣ этихъ словъ), а послѣднее, какъ свидѣтельствуетъ исторія русскихъ финансовъ, издавна являлось средствомъ для пріумноженія государственныхъ доходовъ. Изъ названныхъ трехъ вѣдомствъ, наиболѣе далекимъ отъ такой роли слѣдуетъ считать вѣдомство государственнаго коннозаводства. Но сумма расходуемая имъ, столь незначительна (2 милл. руб.), что отыскивать въ этой области интересующія насъ „идеологическія" задачи современнаго государства представляется, конечно, невозможнымъ. Изъ тѣхъ же трехъ вѣдомствъ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, не смотря на преобразованіе его въ срединѣ разсматриваемаго десятилѣтія, въ наибольшей мѣрѣ сохранило за собою вспомогательную роль по отношенію къ фиску. Сопоставляя со смѣтою этого министерства соотвѣтствующія статьи доходнаго бюджета, мы получимъ такія цифры (въ милл. руб.):

Доходы:	1892 г.	1897 г.	1902 г.
Оброчныя статьи и промыслы	13,8	14,5	19,4
Лѣсной доходъ	15,1	32,5	63,0
Казенные заводы, техническія заведенія и склады .	10,2	11,8	14,0
Итого . . .	39,1	58,8	96,4
Расходы:			
По министерству Землед. и Госуд. имущ	24,5	33,4	43,2
Разница . .	14,6	25,4	53,2

Продолжая по прежнему заниматься, главнымъ образомъ, эксплуатаціей государственныхъ имуществъ, это вѣдомство съ каждымъ годомъ доставляетъ государственному казначейству все большую и большую сумму средствъ, расходуя само все меньшую и меньшую долю извлекаемыхъ имъ доходовъ. Потребности земледѣльческой культуры по прежнему оставались на заднемъ планѣ и во всякомъ случаѣ далеко не поглощали даже тѣхъ рессурсовъ, которые получались по министерству земледѣлія.

Остается министерство путей сообщенія, бюджетъ котораго возросъ въ 7 слишкомъ разъ. Это громадное увеличеніе, выражающееся, какъ мы видѣли, въ сотняхъ милліоновъ рублей, всецѣло объясняется неимовѣрно быстрымъ развитіемъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Съ послѣднимъ связаны не только расходы, но и доходы въ государственномъ бюджетѣ. Однако, соотношеніе между ними измѣнялось въ совершенно иномъ направленіи, чѣмъ соотношеніе въ доходахъ и расходахъ по министерству земледѣлія. Сопоставляя доходныя и расходныя статьи росписи, связанныя съ желѣзнодорожнымъ хозяйствомъ, мы получимъ такія цифры (въ милл. руб.):

	1892 г.	1897 г	1902 г.
Доходы обыкновенные.			
Казенныя желѣзныя дороги	75,4	260,0	396,0
Прибыли отъ участія въ доходахъ частн. ж д. .	4,3	1,8	2,9
Обязательные платежи частныхъ ж. д. .	26,5	14,8	10,0
Всего .	106,2	276,6	408,9
Расходы обыкновенные:			
Эксплуатація казенныхъ жел. дорогъ . .	41,8	173,8	297,6
Усиленіе и улучшеніе жел. дорогъ . . .	—	25,3	61,2
Пріобрѣтеніе подвижного состава	—	—	39,9
Пособія обществамъ ж. д. по гарантіи чистаго дохода	18,0	0,9	6,2
	59,8	200,0	404,9
Расходы чрезвычайные:			
Сибирская ж. д. съ вспомогат. предпріятіями. .	—	64,4	15,8
Прочія желѣзныя дороги . . .	35,5	64,7	149,9
Итого . .	33,5	129,1	165,7
Всего расходовъ . .	93,3	329,1	570,6
Разница между доходами и расходами	+12,9	—52,5	—161,7

Расходы возрастали значительно быстрѣе, чѣмъ доходы. Десять лѣтъ тому назадъ доходы отъ желѣзныхъ дорогъ, если не считать платежей по желѣзнодорожнымъ займамъ, давали казначейству излишекъ, по обыкновенному бюджету—довольно значительный. Теперь расходы даже по обыкновенному бюджету уже равны почти доходамъ, а вмѣстѣ съ чрезвычайными—значительно превышаютъ ихъ. Эта разница между доходами и расходами по желѣзнымъ дорогамъ въ дѣйствительности еще больше, такъ какъ нами не введены общіе расходы по министерству путей сообще-

нія *), министерству финансовъ и государственному контролю, обусловленные развитіемъ желѣзнодорожнаго хозяйства, и главное, платежи по займамъ на желѣзныя дороги. Въ 1893 г. уплата процентовъ и капитала по желѣзнодорожнымъ займамъ отнимала 42 милл. руб.; къ 1901 г. эта цифра поднялась до 110 милл. р. Но и не считая займовъ, превышеніе расхода на желѣзныя дороги надъ доходами въ 1902 г. должно оказаться значительно выше цифры, предположенной по росписи и учтенной въ послѣдней табличкѣ. На желѣзнодорожное строительство, какъ уже упомянуто, предназначена значительная часть займа, произведеннаго въ этомъ году за счетъ китайской контрибуціи. Намъ уже извѣстно, что расходы на китайскую войну должны были быть покрыты изъ свободной наличности, для накопленія которой практиковалось усиленное обложеніе страны налогами, и что тою-же китайскою войною было мотивировано повышеніе косвенныхъ налоговъ въ 1900 г., каковое повышеніе и до сихъ поръ остается неотмѣненнымъ. Поэтому деньги, вырученныя отъ реализаціи китайской контрибуціи, нельзя считать китайскими: онѣ уже взяты или будутъ взяты съ русскаго плательщика и, быть можетъ, въ еще большемъ даже количествѣ, чѣмъ сколько уплатитъ правительство богдыхана. Обращеніе ихъ на желѣзнодорожное строительство приходится поэтому разсматривать не иначе, какъ новое значительное ассигнованіе на этотъ предметъ изъ общихъ государственныхъ рессурсовъ.

Если мы исключимъ расходы, поскольку они покрываются доходами, то и въ такомъ случаѣ увеличеніе затратъ на желѣзнодорожное дѣло выразится крупной цифрой: вмѣсто излишка въ 13 милл. руб. въ 1892 г., казна получитъ въ 1902 г. дефицитъ въ 162 милл. руб., т. е. ея затраты увеличились за этотъ періодъ на 175 милл., а съ суммами китайскаго займа, затраченными на желѣзныя дороги—даже на 274 милл. руб. Интересно съ этой цифрой сопоставить нѣкоторыя изъ разсмотрѣнныхъ нами выше. Мы видѣли, что за то же время расходы увеличились:

*) Въ 1892 г. расходы по министерству путей сообщенія, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ расходовъ, составляли 22 милл., и въ 1902 г.— 37 милл. руб.

На судъ и управленіе	на 33,9 милл. руб
„ духовную культуру	„ 30,3 „ „
„ помощь сельскому хозяйству и завѣдываніе государств. имуществами	„ 17,8 „ „

Каждая изъ этихъ потребностей воспользовалась въ 5—10 разъ меньшимъ количествомъ изъ вновь стянутыхъ государствомъ рессурсовъ, чѣмъ желѣзныя дороги.

Такимъ образомъ, въ результатѣ подробнаго анализа расходнаго бюджета *) мы приходимъ къ тому же выводу, какой напрашивался у насъ при первомъ ознакомленіи съ бюджетными цифрами, а именно, что пути сообщенія являются въ настоящее время важнѣйшею функціей государства и пользуются усиленнымъ вниманіемъ финансоваго вѣдомства. Едва-ли нужно говорить, что не потребность населенія въ дорогахъ создала столь исключительное имъ положеніе. Сама по себѣ эта потребность не столь насущна, чтобы удовлетвореніе ея въ такихъ крупныхъ размѣрахъ принимать за общегосударственный счетъ, и не столь неотложна, чтобы ради нея игнорировать другія потребности государственной жизни. По признанію самого министерства финансовъ, желѣзныя дороги служили для него „могучимъ орудіемъ для управленія экономическимъ развитіемъ страны“, т. е. были лишь средствомъ для осуществленія тѣхъ цѣлей, какія оно ставило себѣ въ сферѣ экономической политики. Сейчасъ мы увидимъ, что это средство не было единственнымъ, но оно было но-

*) Мы оставили неразсмотрѣнными расходы на фискъ, которые обнаружили тоже очень крупный приростъ. Но фискъ по самому характеру своему можетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ играть въ государственномъ хозяйствѣ служебную роль. Быстрое возрастаніе бюджета министерства финансовъ объясняется, между прочимъ, включеніемъ въ его смѣту расходовъ по винной монополіи, о которой, равно какъ и о тѣхъ жертвахъ, которыхъ она потребовала у населенія, намъ уже пришлось говорить выше Представлялось бы, конечно, интереснымъ болѣе точно уяснить, насколько увеличились расходы страны по веденію ея финансоваго хозяйства. Вполнѣ возможно, что новыя формы налогового обложенія, расширявшія и углублявшія силу государственной власти,—а это само по себѣ являлось какъ мы видѣли, самодовлѣющей цѣлью,—связаны съ болѣе крупными затратами народныхъ рессурсовъ, чѣмъ практиковавшіяся раньше. Къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ порядкѣ составленія и исполненія росписей эта задача представляется неразрѣшимой.

вымъ и оказалось столь сильнымъ, что ранѣе другихъ обнаружило тенденцію сдѣлаться самодовлѣющей цѣлью.

V.

Среди противорѣчій, которыми полна экономическая жизнь современнаго человѣчества, однимъ изъ самыхъ большихъ и общихъ является значительная разница между интересами той части населенія, которая живетъ доходами отъ сельскаго хозяйства, и тѣхъ классовъ, которые заняты въ другихъ областяхъ промышленности и въ торговлѣ, или—говоря кратко—между интересами деревни и города. Сильный быстро наростающимъ богатствомъ и быстро развивающейся культурой, городъ давитъ на малообразованную еще и бѣдную деревню, оттягивая отъ нея лучшія силы и экспропріируя въ свою пользу ея трудовые достатки. Противорѣчіе это имѣетъ мѣсто не только у насъ, но и на Западѣ. У насъ оно сказывается, однако, съ особою силою. Между Петербургомъ и Берлиномъ разница, несомнѣнно, значительно меньше, чѣмъ между вымирающей Моховаткой и любой нѣмецкой деревней. И въ Петербургѣ на Невскомъ, и въ Берлинѣ Unter den Linden горитъ электричество; тамъ и здѣсь публика движется въ рессорныхъ экипажахъ по ровной и спокойной мостовой; тамъ и здѣсь роскошные магазины бойко торгуютъ самыми изысканными товарами, а громадные дома располагаютъ всѣми приспособленіями для удобной и комфортной жизни. Даже между окраинами русскаго города и его подвальными этажами больше сходства съ западно-европейскими, чѣмъ у русской деревни съ ея зарубежной тезкой Въ то время, какъ западная деревня пользуется многими и многими уже благами культуры и развитой гражданственности, наша продолжаетъ жить въ грязи, питаться пушнымъ хлѣбомъ и довольствоваться устарѣлыми формами общежитія

Никакая государственная власть, при данномъ соціальномъ строѣ, не въ силахъ, конечно, устранить это противорѣчіе, но она можетъ усилить или ослабить его путемъ воздѣйствія на правовую, культурную и экономическую жизнь населенія. Въ качествѣ яркаго примѣра того вліянія, какое могутъ имѣть въ этомъ случаѣ общественныя учрежденія, можно указать на дѣятельность

нашего земства. Не будь послѣдняго, деревенская масса во многихъ мѣстахъ и по сей день, вѣроятно, не знала бы врача и агронома, не имѣла бы учителя. Личныя силы деревни, увлекаемыя стихійнымъ процессомъ жизни въ городѣ, возвращались ей технически-обученными лишь планомѣрною общественною самодѣятельностью. Еще большаго эффекта могла бы достигнуть въ этомъ направленіи государственная власть, велѣніями которой опредѣляются и правовыя нормы, и условія культурной работы, и многіе важные моменты экономической жизни.

Министерство финансовъ хорошо уже поняло необходимость коренного измѣненія правовой обстановки деревни въ цѣляхъ улучшенія ея экономическаго положенія. Еще въ 1898 г., разсматривая вопросъ, „почему значительная часть нашего земледѣльческаго класса до сихъ поръ не упрочила своего хозяйственнаго быта“, г. министръ финансовъ пришелъ къ заключенію, что причину этого явленія слѣдуетъ „искать въ неопредѣленности имущественныхъ и общественныхъ отношеній крестьянъ“, что „эта неопредѣленность обусловливается недостаточнымъ соотвѣтствіемъ законодательства потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ“ и что, наконецъ, „неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципіальныхъ вопросовъ сельскаго устройства“. Эти вопросы остаются, однако, и до сихъ поръ не только не разрѣшенными, но и не формулированными. Широкая мысль о прочномъ правопорядкѣ въ дальнѣйшихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ какъ-то сузилась и отлилась, наконецъ, въ форму вопроса о круговой порукѣ. Фактически же въ отношеніяхъ государства къ правовымъ условіямъ жизни разсматриваемый періодъ ознаменовался неуклоннымъ продолженіемъ и развитіемъ политики предыдущаго десятилѣтія, когда принципъ упроченія власти во всѣхъ областяхъ жизни получилъ рѣшительный перевѣсъ надъ движеніемъ къ раскрѣпощенію личности, а сила принудительнаго авторитета—надъ слабыми еще зачатками общественной самодѣятельности.

Въ сферѣ духовной культуры непосредственная дѣятельность государства, какъ мы видѣли, была и осталась совершенно незначительной Что касается культурной работы, выполняемой общественными союзами и частными лицами, то условія ея за по-

слѣднее десятилѣтіе существенно измѣнились—и едва ли нужно напоминать въ какую сторону.

Тенденціи, получившія за два послѣднихъ десятилѣтія рѣшительное преобладаніе во внутренней политикѣ, были общими для всей страны, но съ особою силою они сказались въ жизни деревни. Въ послѣдней не только удѣлѣли несомнѣнные остатки крѣпостного правопорядка, но и упрочились за это время новые институты однороднаго характера. Между тѣмъ, чѣмъ бѣднѣе и малокультурнѣе среда, тѣмъ менѣе способна отдѣльная личность противостать давленію внѣшнихъ условій, тѣмъ важнѣе для нея правовыя гарантіи, тѣмъ нужнѣе ей союзы во имя общественной солидарности. Едва ли нужно говорить поэтому, насколько уменьшеніе простора для личной и общественной самодѣятельности обезсиливало деревню и уменьшало ея шансы въ борьбѣ съ городомъ. Тѣмъ большее значеніе должна была имѣть экономическая политика, убѣжденнымъ сторонникомъ и талантливымъ проводникомъ которой явился г. Витте, какъ министръ финансовъ.

Уже съ давнихъ поръ русская государственная власть обнаруживала благосклонное отношеніе къ интересамъ городскихъ классовъ. За два послѣднихъ десятилѣтія въ этомъ отношеніи не было никакихъ колебаній и такъ называемая „покровительственная политика“ развивалась съ рѣдкою неуклонностью и послѣдовательностью. Важнѣйшимъ орудіемъ ея, какъ извѣстно, являлся и является таможенный тарифъ. Послѣ сравнительно льготныхъ таможенныхъ ставокъ 70-хъ годовъ, началось очень быстрое повышеніе ихъ, продолжавшееся и въ послѣдніе годы. Пошлины (въ метал. валютѣ) по отношенію къ цѣнности привоза (въ кредитн. рубл.), составлявшія въ 70-хъ годахъ менѣе 11%, во второй половинѣ 80 хъ поднялись до 18, въ первой половинѣ 90-хъ составляли уже 21, въ 1897—27, а теперь уже свыше 30%.

Доставляя государственному казначейству значительные ресурсы, таможенныя пошлины существенно вліяютъ вмѣстѣ съ тѣмъ на условія происходящаго въ странѣ обмѣна, а, стало быть, и на распредѣленіе хозяйственныхъ благъ между различными классами. Сельскохозяйственные продукты, отчуждаемые въ значительной ихъ долѣ за границу, расцѣниваются въ зависимости отъ

стоимости производства ихъ въ міровомъ хозяйствѣ. Между тѣмъ, цѣны на другіе продукты подъ защитой таможенной стѣны устанавливаются значительно выше міровыхъ на всю почти сумму лежащей на нихъ пошлины. Благодаря этому русскій сельскій хозяинъ, продавая свои издѣлія по нормальнымъ, такъ сказать, цѣнамъ, за чужіе товары платитъ цѣны полуторныя, т. е. въ обмѣнъ на отчуждаемые имъ продукты получаетъ далеко не равновеликую имъ по количеству вложеннаго труда сумму цѣнностей и во всякомъ случаѣ значительно меньшую, чѣмъ получаетъ за тѣ же продукты зарубежный сельскій хозяинъ.

Насколько неблагопріятно положеніе русскаго сельскохозяйственнаго производителя сравнительно съ западно-европейскимъ, ясно видно изъ слѣдующей таблички, гдѣ по свѣдѣніямъ департамента торговли и мануфактуръ [1]) показаны среднія цѣны за десятилѣтіе на пшеницу и чугунъ за пудъ въ копѣйкахъ:

	Пшеница.	Чугунъ.	Разница.
На русскихъ рынкахъ . .	87	104	— 17
„ германскихъ . .	122	47	+ 75
„ англійскихъ	110	36	+ 74

Въ то время, какъ русскій сельскій хозяинъ, обмѣнивая пшеницу на чугунъ, долженъ былъ приплачивать на каждомъ пудѣ 17 коп, германскій и англійскій—получали по три четвертака въ свою пользу Такого же рода переплаты русской деревнѣ приходится дѣлать и на всѣхъ почти другихъ продуктахъ, производимыхъ городомъ. Въ случаѣ пріобрѣтенія такого рода продуктовъ за границей, эта разница отчасти поступаетъ въ пользу транспортныхъ предпріятій и торговыхъ конторъ, отчасти въ казну въ видѣ таможенной пошлины [2]). Переплаты же за продукты русскаго происхожденія цѣликомъ поступаютъ въ распоряженіе мѣстнаго торгово-промышленнаго класса. Въ общемъ суммы, выплачиваемыя, благодаря покровительственной системѣ, русской деревней городу, достигаютъ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ рублей и составляютъ видную часть той „суммы производства“, быстрымъ возрастаніемъ которой такъ гордится наша горная и фабрично-

[1]) Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1890—1899 годы. Спб. 1900.

[2]) Съ каждаго ввозимаго пуда чугуна, взятаго нами для примѣра, пошлина взимается въ размѣрѣ 45—75 коп.

заводская промышленность. Вмѣстѣ съ усиленіемъ протекціонизма, росли, конечно, и размѣры этой дани.

Каковы же цѣли этого крупнаго и все увеличивавшагося обложенія деревни не только въ пользу казны, но и въ пользу города? „Съ общенаціональной, государственной точки зрѣнія, сказалъ какъ-то С. Ю. Витте, покровительственная система имѣетъ своею конечною цѣлью—освобожденіе народнаго хозяйства изъ-подъ зависимости отъ чужого труда и чужого рынка и поднятіе страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы. Какъ и всякое средство, протекціонизмъ долженъ имѣть лишь временное значеніе—впредь до достиженія той конечной цѣли, ради которой и былъ онъ выдвинутъ. Прямая логика его заключается въ самоупраздненіи Съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкурренціи должна наступить его естественная кончина“ [1]). Этотъ доводъ приходится считать не только важнѣйшимъ, но и единственнымъ въ аргументаціи протекціонистовъ, по скольку они рѣшаются говорить о сущности защищаемой ими системы.

Желаніе поднять страну на уровень самодовлѣющей державы въ значительной мѣрѣ навѣяно тѣмъ націонализмомъ, при которомъ благо государства-націи мыслится, какъ нѣчто самостоятельное и независимое отъ блага населенія Теперь мы хорошо уже знаемъ, что такое благо—фикція, что въ дѣйствительности его нѣтъ, хотя бы уже потому, что нѣтъ субъекта, который воспринималъ и ощущалъ бы это общенаціональное благо. Для прежняго времени, когда націонализмъ являлся основной идеей государственной жизни, ему можно подыскать, конечно, историческое оправданіе. Но теперь, когда въ экономической жизни борьба между націями уступила мѣсто борьбѣ между классами, соціальная зависимость для массы имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ національная. Зависимость отъ своего рынка, отъ своего національнаго капитала не менѣе ощутительна и тягостна, чѣмъ и зависимость отъ чужого рынка, отъ чужого капитала. Ослабляя послѣднюю, протекціонизмъ въ значительной мѣрѣ усиливаетъ первую и уже потому не улучшаетъ, а ухудшаетъ самочувствіе.

---

[1]) Изъ рѣчи, сказанной 1 марта 1899 г. въ совѣщаніи по хлѣбной торговлѣ

претерпѣвающей эту зависимость личности и хозяйственное положеніе земледѣльческой массы. Для русскаго земледѣльца, конечно, несравненно легче было бы отдать полтинникъ иностранному производителю, чѣмъ два полтинника русскому. Въ послѣднемъ случаѣ ему почти на половину приходится платить „съпуста“, т. е. отдавать деньги, не получая за нихъ никакого реальнаго блага и довольствуясь однимъ лишь утѣшеніемъ, что онъ содѣйствуетъ преуспѣянію „національной“ промышленности.

Въ одномъ изъ первыхъ докладовъ С. Ю. Витте мы встрѣчаемъ попытку оправдать протекціонную систему интересами земледѣльческой массы. „Для обезпеченія русскому земледѣлію обширнаго сбыта необходимо созданіе внутреннихъ рынковъ, т. е. развитіе неземледѣльческихъ отраслей труда. Въ этомъ отношеніи Россія, при громадномъ разнообразіи климатическихъ и почвенныхъ условій и неисчерпаемыхъ естественныхъ богатствахъ, заключаетъ въ себѣ всѣ данныя для полной національно-экономической независимости въ будущемъ, при достиженіи которой не встрѣчалось бы надобности въ поискахъ для русскаго хлѣба иностранныхъ потребительныхъ рынковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранялась бы и возможность затрудненій, естественно неразлучныхъ съ обширнымъ вывозомъ“. Этотъ доводъ, однако, значительно ослабляется соображеніемъ, высказаннымъ лишь нѣсколькими строками выше въ томъ же докладѣ: „нѣкоторое затрудненіе въ вывозѣ хлѣба, читаемъ мы, не можетъ вселять особыхъ опасеній уже въ силу самого свойства этого товара, какъ повсемѣстно необходимаго, общеупотребительнаго предмета продовольствія первостепеннѣйшей важности“. Если принять во вниманіе, что это соображеніе было высказано въ моментъ таможенной войны съ Германіей, если тогда не могло быть опасеній относительно сбыта русскаго хлѣба, то тѣмъ менѣе возможны они при мирныхъ отношеніяхъ съ сосѣдними странами. Опасность конкурренціи „вслѣдствіе усиливающагося производства хлѣбовъ въ соперничествующихъ странахъ“ была бы, конечно, еще меньше, если бы русскій хлѣбный производитель былъ поставленъ въ нормальныя условія и ему не приходилось бы платить въ три-дорога за орудія производства и предметы потребленія. Тогда и количество русскаго хлѣба, нуждающагося въ рынкахъ, вѣроятно, уменьшилось бы, такъ какъ его больше потреблялось бы самимъ земле

дѣльческимъ населеніемъ, принужденнымъ жить теперь впроголодь. Какъ бы то ни было, въ наши дни, когда въ экономической жизни наблюдается стихійный процессъ превращенія національнаго хозяйства въ міровое, стремиться къ „національно-экономической независимости", какъ ее понимаетъ министерство финансовъ,—значитъ идти наперекоръ исторіи и ставить передъ собою неосуществимую задачу. Таможенный тарифъ—это, въ сущности, послѣдняя китайская стѣна, которую воздвигаютъ идеологи отживающаго націонализма и которая не предотвратитъ, конечно, начавшагося между націями сближенія на почвѣ раздѣленія труда и взаимнаго обмѣна.

Такимъ образомъ, уже со стороны „конечной цѣли, ради которой былъ выдвинутъ протекціонизмъ", онъ далеко не можетъ считаться безупречнымъ. Еще менѣе выдерживаетъ критику онъ, какъ средство для того, чтобы поднять страну на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы.

Въ цитированной выше рѣчи г. министра финансовъ упоминается о зависимости отъ чужого труда и чужого рынка и нѣтъ ни слова о болѣе тяжелой, казалось бы, и болѣе несомнѣнной зависимости отъ чужого капитала. Это — не случайность. Ко времени произнесенія рѣчи уже выяснилась полная невозможность для поддержанія національной промышленности обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ. Рѣчь г. министра и была направлена въ защиту необходимости привлеченія ихъ изъ за границы. Такимъ образомъ невозможность остаться вполнѣ самодовлѣющей державой при данномъ направленіи экономической политики отчасти уже сознана нашимъ финансовымъ вѣдомствомъ. Пора бы убѣдиться и въ томъ, что протекціонизмъ не освободитъ насъ и отъ другой „зависимости"—отъ чужого рынка. Мы видѣли, что одной изъ задачъ его являлось созданіе внутренняго рынка для обезпеченія русскому земледѣлію обширнаго сбыта и устраненія тѣмъ самымъ надобности для хлѣба въ иностранныхъ потребительскихъ рынкахъ. И что же мы видимъ? Во второй половинѣ 70-хъ годовъ ежегодный отпускъ пшеницы, ржи, ячменя и овса равнялся 257 мил. пуд., а въ 1896—98 гг. онъ поднялся уже до 485 милліоновъ, т. е. за два десятилѣтія безраздѣльнаго господства покровительственной системы вывозъ четырехъ главныхъ хлѣбовъ увеличился почти въ два раза. Онъ возросъ, не смотря

на протекціонизмъ; мы имѣемъ право сказать, что онъ увеличился, благодаря протекціонизму. Въ послѣднее десятилѣтіе, въ теченіе котораго страна пережила цѣлый рядъ крупныхъ недородовъ, когда за пять только лѣтъ по исчисленіямъ министерства финансовъ населеніе не дополучило зерна на сумму до милліарда рублей, нашъ хлѣбный отпускъ возросталъ не менѣе быстро, чѣмъ и въ предыдущее, болѣе благопріятное десятилѣтіе. Возросталъ онъ, очевидно, не за счетъ увеличенія производства, вывозили мы не избытки; земледѣльческое населеніе отдавало заграничному потребителю свой насущный хлѣбъ, лишь бы оправдать себя передъ фискомъ, поддержать отечественную промышленность и оплатить услуги иностранныхъ капиталистовъ.

Между тѣмъ, не устранивъ и даже не ослабивъ необходимости въ иностранныхъ рынкахъ для русскаго хлѣба, мы очутились передъ новою и уже не призрачною опасностью—передъ невозможностью размѣстить продукты поощрявшейся промышленности внутри страны и невозможностью въ то же время вывезти ихъ за границу. Для оживленія промышленности нынѣшнее министерство финансовъ прибѣгло къ героическому средству—къ усиленному желѣзнодорожному строительству и при томъ, главнымъ образомъ, за счетъ общегосударственныхъ рессурсовъ. Средство оказалось дѣйствительнымъ Съ желѣзными дорогами въ страну быстро внѣдрялось мѣновое хозяйство: для промышленности, „успѣхи которой у всѣхъ были на виду“, открывались новые рынки за счетъ ни для кого не видимаго кустарнаго и домашняго производства; кладушки съ хлѣбомъ—этотъ резервъ натуральнаго хозяйства на случай „несвоевременнаго появленія тучъ на небѣ“—быстро вывозились на международные рынки; къ расходамъ на содержаніе отечественной промышленности привлекались все новыя и новыя силы и средства. Главное же, усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ потребовала громадной массы тѣхъ самыхъ продуктовъ, производство которыхъ такъ долго, хотя и не совсѣмъ успѣшно поощрялось. Казенные заказы сдѣлались самымъ живымъ источникомъ торгово-промышленнаго преуспѣнія. Промышленность развивалась не по днямъ, а по часамъ, конца „благополучію“ не было видно.

Но желѣзныя дороги оказались для промышленности чѣмъ-то

вродѣ ядовитыхъ пилюль, описанныхъ у Гл И. Успенскаго [1]): почувствовавъ отъ нихъ облегченіе, купеческая утроба стала требовать ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Иначе и быть не могло при той капиталистической формѣ, въ какой насаждалась у насъ промышленность. Удѣляя на потребленіе рабочихъ лишь часть производимыхъ благъ, другую—въ силу провиденціальнаго своего назначенія—капитализмъ обращаетъ на расширеніе производства; увеличивая самъ лишь очень медленно спросъ на продукты потребленія, онъ требуетъ быстраго расширенія рынка для сбыта производимыхъ имъ самимъ продуктовъ Между тѣмъ, непочатыхъ угловъ въ странѣ оставалось все меньше и меньше; промыслы въ доступной ихъ части были уже капитализированы; крестьянская скотина повыведена и распродана; новые рынки открывались съ трудомъ, старые—быстро теряли свою покупательную силу. Когда же подъ давленіемъ китайскихъ осложненій произошла заминка въ желѣзнодорожномъ строительствѣ и казенные заказы пришлось ограничить, то въ странѣ немедленно начался торгово-промышленный кризисъ. Чтобы ослабить его силу, пришлось прибѣгнуть къ усиленнымъ дозамъ испытаннаго средства, къ новымъ и новымъ затратамъ на желѣзнодорожное строительство за счетъ народныхъ рессурсовъ. Однако, и героическіе пріемы не насытили не въ мѣрѣ разросшейся утробы и не оживили торговопромышленнаго организма: биржа и промышленность продолжаютъ пребывать въ угнетенномъ настроеніи и каждому понятно, что новый притокъ казенныхъ заказовъ можетъ лишь отстрочить, а не предотвратить неизбѣжный конецъ.

Надежды финансоваго вѣдомства на самоупраздненіе протекціонизма, на то, что „съ созданіемъ крѣпкой національной промышленности, съ нарожденіемъ дѣятельной внутренней конкуренціи должна наступить его естественная кончина“, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становятся проблематичными. Русскій протекціонизмъ оказался чуждымъ всякой мысли о смерти и въ экономической жизни при всемъ желаніи нельзя найти сколько-нибудь замѣтной тенденціи къ его упраздненію. Если мы сравнимъ цѣны на важнѣйшіе продукты массоваго потребленія за два

[1]) См „Маленькіе недостатки механизма“ Собраніе сочиненій, т. III.

пятилѣтія, то увидимъ, что въ 1895—1899 гг. сравнительно съ цѣнами за 1890—1894 гг. они измѣнились слѣдующимъ образомъ (въ процентахъ):

	На русскихъ рынкахъ.	На заграничн. рынкахъ.
На рожь	— 24	— 15
» хлопчато-бумажную пряжу	+ 1	— 12
» чай	+ 1	— 9
» сахарный песокъ	+ 4	— 19
» керосинъ	+ 12	+ 10
» табакъ	+ 16	— 3

Въ то время, какъ въ Западной Европѣ цѣна на всѣ почти продукты упала, у насъ подешевѣлъ только хлѣбъ, за счетъ котораго оказывается покровительство, всѣ же другіе продукты болѣе или менѣе подорожали. Любопытно, что мы успѣли удорожить даже чай, вывозимый изъ Азіи и нами, и Западной Европой, тогда какъ послѣдняя его замѣтно удешевила. Керосинъ, отправляемый нами въ громадномъ количествѣ въ Европу, мы удорожили для себя больше, чѣмъ для заграничнаго потребителя. Характернѣе же всего то, что наиболѣе рѣзкое расхожденіе оказалось въ цѣнахъ на сахаръ, въ производствѣ котораго мы достигли такихъ успѣховъ, больше которыхъ и желать, казалось бы, нечего.

Русскій капитализмъ, вмѣсто дѣятельной внутренней конкурренціи, долженствовавшей удешевить продукты, предпочелъ идти инымъ путемъ—путемъ синдикатовъ и нормировокъ, позволившихъ ему удерживать цѣны на уровнѣ оказываемаго ему и, какъ мы знаемъ, все усиливавшагося покровительства. Пресловутая сахарная нормировка давно уже и наглядно показала, куда мы придемъ, расширяя производство подъ защитой таможенной стѣны. Не имѣя возможности размѣстить на внутреннемъ рынкѣ всего продукта, мы оказались вынужденными не только гарантировать за счетъ русскаго потребителя барыши сахарозаводчикамъ, но и обложить его крупнымъ налогомъ въ пользу потребителя заграничнаго, въ пользу, какъ говорятъ, англійской свиньи, откармливаемой русскимъ сахаромъ. За послѣднее десятилѣтіе образовался

цѣлый рядъ другихъ, гласныхъ и негласныхъ, синдикатовъ, выяснилась необходимость новыхъ и новыхъ нормировокъ Желѣзозаводчики уже затѣяли „контору“, которая позволитъ имъ держать въ своихъ рукахъ потребителя, а керосинозаводчики домогаются правительственной нормировки, долженствующей спасти ихъ отъ конкурренціи. Въ отвѣтахъ министерства финансовъ на эти домогательства, въ поученіяхъ и репликахъ „Торгово-Промышленной газеты“ по поводу раздающихся жалобъ въ послѣдеее время все чаще и чаще слышится нотка раздраженія. Но какъ бы сильно ни было разочарованіе финансоваго вѣдомства, оставаясь вѣрнымъ своей политикѣ, оно не можетъ быть глухо къ этимъ домогательствамъ и жалобамъ. И мы видимъ, что оно напрягаетъ всѣ силы, чтобы поддержать сильно выросшее, но не научившееся ходить безъ помочей торгово-промышленное дѣтище.

Любопытно, что уже въ срединѣ разсматриваемаго десятилѣтія министерство финансовъ считалось съ необходимостью поддерживать промышленность не только ради ожидаемыхъ отъ нея благъ въ будущемъ, но и въ виду насущныхъ интересовъ, связанныхъ съ нею въ настоящемъ. „Россія, читаемъ мы во всеподданѣйшемъ докладѣ на 1897 годъ, даже при нынѣшнемъ уровнѣ ея промышленнаго развитія, уже не можетъ считаться страною исключительно земледѣльческою, такъ какъ ея фабрично-заводская производительность уже и теперь выражается довольно крупными цифрами, и дальнѣйшее развитіе ея матеріальнаго благосостоянія тѣсно связано съ преуспѣяніемъ ея перерабатывающей промышленности. Все годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ Россіи по цѣнности не превышаетъ полутора милліардовъ рублей, тогда какъ ежегодное производство нашей горной, заводской и фабричной промышленности превосходитъ два милліарда рублей. Образованіе столь важной статьи народной производительности не могло не породить соотвѣтственнаго перераспредѣленія экономическихъ силъ страны.. При такихъ условіяхъ переустройство экономическаго уклада огромнаго государства вновь по типу сельскохозяйственной страны было бы равносильно экономической катастрофѣ“. Нельзя не признать крайне серьезнымъ этотъ исходящій отъ факта доводъ въ пользу покровительственной системы. Но прежде, чѣмъ взвѣсить его, необходимо внести въ него до-

вольно существенную поправку, такъ какъ факты, на которые опирается онъ, учтены далеко не совсѣмъ точно.

Прежде всего „все“ годичное производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ далеко превосходитъ полтора милліарда рублей. Министерствомъ финансовъ принятъ во вниманіе, очевидно, лишь зерновой сборъ хлѣбовъ, достигающій $3^1/_2$ милліардовъ пудовъ. Если оцѣнить его въ среднемъ по 50 коп. за пудъ, каковую цѣну само министерство для подобнаго же разсчета считаетъ низкою, то и въ такомъ случаѣ валовая производительность сельскаго хозяйства опредѣлится въ суммѣ свыше $1^1/_2$ милліардовъ. Но къ ней необходимо еще прибавить цѣнность соломы, сѣна и другихъ кормовыхъ продуктовъ, льняного волокна и пеньки, продуктовъ садоводства и огородничества, спеціальныхъ культуръ, всего скотоводства, птицеводства, пчеловодства и т. д., и т. д. Точно учесть все это разнообразіе сельскохозяйственныхъ доходовъ не представляется возможности. Но, если судить по бюджетнымъ даннымъ Воронежской губерніи, отличающейся, какъ извѣстно, преобладаніемъ зернового хозяйства, то и въ такомъ случаѣ неучтенные министерствомъ продукты и отрасли приходится оцѣнивать значительно большею суммою, чѣмъ какую даетъ зерновой сборъ, а стало быть и общую оцѣнку производительности сельскаго хозяйства нужно болѣе, чѣмъ удвоить.

Съ другой стороны, ежегодное производство горной, заводской и фабричной промышленности оцѣнено министерствомъ, несомнѣнно, преувеличенной цифрой. Правда, по матеріаламъ фабрично-заводской статистики за 1897 г. [1]), стоимость выработанныхъ продуктовъ и издѣлій названныхъ отраслей промышленности исчислена въ $2^1/_2$ милліарда руб., но въ эту стоимость входитъ, какъ составная часть, стоимость матеріаловъ, орудій и другихъ средствъ производства, доставляемыхъ въ громадномъ количествѣ сельскимъ хозяйствомъ, привозимыхъ изъ-за границы и переходящихъ изъ одной отрасли обрабатывающей промышленности въ другую. Само министерство, пользуясь во всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1900 г. данными этой статистики, нашло необходимымъ изъ общей суммы исключить стоимость продуктовъ мукомольнаго, винокуреннаго и

[1]) Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г. Спб. 1900 г.

сахарнаго производствъ, какъ получающихъ матеріалы непосредственно и при томъ на значительную по отношенію къ общей стоимости сумму изъ сельскаго хозяйства, а съ другой—продукты всей горной промышленноети, почти цѣликомъ засчитываемые затѣмъ въ качествѣ матеріаловъ и топлива въ стоимости другихъ фабричныхъ продуктовъ. За указанными исключеніями сумма производства опредѣлилась уже въ 1,8 милліарда Но и въ этой суммѣ оказывается еще очень много цѣнностей, созданныхъ отнюдь не городскими классами. Можно указать на производства по обработкѣ дерева, животныхъ продуктовъ, и даже важнѣйшаго производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Въ стоимости продуктовъ послѣдняго видную часть, конечно, составляетъ хлопокъ, ленъ, пенька, производимые не на фабрикахъ и не въ городахъ. Наконецъ, какъ было упомянуто, нѣкоторые продукты, въ качествѣ полуфабрикатовъ, проходятъ черезъ нѣсколько производствъ и вездѣ засчитываются въ полной ихъ стоимости. Напримѣръ, хлопокъ, поступающій на прядильную фабрику, въ видѣ пряжи переходитъ на ткацкую, а пряжа—въ видѣ миткаля—на ситценабивную. Сельскохозяйственная статистика также засчитываетъ довольно много цѣнностей, не деревней созданныхъ, а нѣкоторыя цѣнности—засчитываетъ нѣсколько разъ, но въ общей суммѣ производства онѣ составляютъ во всякомъ случаѣ несравненно меньшую долю, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности. Если бы возможно было исчислить не валовую, а чистую производительность деревни и города,—а съ точки національнаго богатства только послѣдняя и имѣетъ значеніе,—то интересующее министерство финансовъ соотношеніе, вѣроятно, радикально бы измѣнилось. Можетъ быть, все годичное производство сельскаго хозяйства тогда и можно было бы охватить цифрой въ $1^1/_2$ милліарда, но производительность горной и фабрично-заводской промышленности пришлось бы тогда опредѣлить не въ два милліарда, а въ 2—3 раза меньше.

Важно, однако, не это соотношеніе. Крайне характерно, что финансовое вѣдомство, опредѣляя свою экономическую политику, обращаетъ вниманіе исключительно на количество создаваемыхъ цѣнностей и совершенно игнорируетъ населеніе, создающее и потребляющее эти цѣнности. Допустимъ, что статистика, которой пользуется министерство, безупречна. Однако, и за всѣмъ тѣмъ

мы не можемъ согласиться со сдѣланными изъ нея выводами. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ отрасляхъ горной и фабрично-заводской промышленности занято было въ 1897 г. два милліона рабочихъ. Раздѣливъ на эту цифру исчисленную министерствомъ общую цифру производства въ 2 милліарда, мы получимъ въ среднемъ на каждаго рабочаго по 1000 рублей. Число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, исчисляется десятками милліоновъ. Возьмемъ скромную цифру въ 50 милліоновъ, т. е. не будемъ считать подростковъ, а лишь лицъ въ рабочемъ возрастѣ среди 100-милліоннаго населенія. Раздѣливъ на нее $1^1/_2$ милліарда сельско-хозяйственной производительности, мы получимъ въ частномъ лишь 30 руб. Если бы мы ввели указанныя нами поправки, то и въ такомъ случаѣ разница въ оцѣнкѣ труда деревенскаго и городского рабочаго оказалась бы всетаки огромной. Мы знаемъ, что отчасти эта разница искусственная, созданная преувеличенной расцѣнкой городскихъ продуктовъ. Но если она и не вполнѣ точно учитываетъ разницу въ производительности сельскохозяйственнаго и фабричнаго труда, то ею вполнѣ опредѣленно намѣчается характеръ распредѣленія общей суммы хозяйственныхъ благъ между сельскими и городскими классами. Встрѣчаясь съ рѣзкимъ фактомъ экономическаго неравенства, государственная власть, казалось бы, должна была направить всѣ усилія, чтобы смягчить это противорѣчіе, т. е. поднять производительность деревни и измѣнить въ ея пользу условія происходящаго въ странѣ обмѣна. Только такимъ путемъ, казалось бы, можно было предотвратить неизбѣжность „экономической катастрофы“. Министерство финансовъ, исходя изъ тѣхъ же данныхъ, какъ мы видѣли, поставило себѣ иную задачу. Оно видитъ опасность съ другой стороны—не въ обнищаніи деревни, а въ промышленномъ кризисѣ.

Не отрицаемъ этой опасности и мы, но едва ли можно предотвратить ее тѣми самыми мѣрами, какими она вызвана. Всякое противорѣчіе рано или поздно должно придти къ своему неизбѣжному концу. Отсрочиваемый кризисъ разразится тѣмъ съ большею силою, чѣмъ полнѣе будутъ исчерпаны средства, на которыя существуетъ наша промышленность. Необходимость измѣненія экономической политики и сознательнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь въ цѣляхъ воспособленія деревнѣ, не отрицается теперь и въ правящихъ сферахъ.

Стоящая на очереди задача много труднѣе, однако, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Удачное разрѣшеніе ея въ рамкахъ современнаго экономическаго и правового уклада встрѣтитъ почти неодолимыя затрудненія. При ея разрѣшеніи придется посчитаться не только съ тѣми крупными обязательствами, которыя наложены протекціонизмомъ, но и съ тѣми специфическими формами, въ какія подъ давленіемъ экономической политики отлилась промышленная жизнь страны. Главное же, потребуется планомѣрная и сознательная дѣятельность, чтобы приспособить государственную организацію для обслуживанія новой идеологической задачи, которую ставитъ на очередь исторія. Вмѣсто національной независимости и національнаго богатства, которымъ она служила до сихъ поръ, цѣлью всей политики предстоитъ сдѣлать народное благосостояніе.

VI.

Борьба между городомъ и деревней отнюдь не исчерпываетъ собою всѣхъ противорѣчій современной экономической жизни. Въ послѣдней наблюдается другое противорѣчіе, не менѣе общее и, пожалуй, еще болѣе острое, имѣющее мѣсто въ деревнѣ, и въ городѣ. Говоря о городскихъ и деревенскихъ классахъ, мы до сихъ поръ разсматривали ихъ, какъ однородныя внутри массы, и не считались съ тѣми разслоеніями ихъ, какія наблюдаются въ дѣйствительной жизни. Между тѣмъ, интересы крестьянъ и помѣщиковъ, рабочихъ и предпринимателей тамъ и здѣсь, конечно, не совпадаютъ, а иногда и рѣзко противорѣчатъ другъ другу. Само собой понятно, что государственная власть не можетъ оставаться безучастной къ проистекающей изъ этого противорѣчія борьбѣ интересовъ и силою вещей принуждена бываетъ занять по отношенію къ ней то или иное опредѣленное положеніе.

С. Ю. Витте, министръ финансовъ, въ своей экономической политикѣ явился сознательнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ той формы экономическаго развитія, которая получила въ исторіи названіе „капитализма“ и которая стремится указанное противорѣчіе развернуть во всю жизненную ширь и развить до его логическаго конца. „Никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ капиталистическаго развитія,

писалъ онъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ на 1896 г., экономическая жизнь еще нигдѣ не видѣла. Успѣхи производства и накопленія богатствъ, по самому существу дѣла, всегда и вездѣ предшествуютъ успѣхамъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми слоями населенія". „Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ,—читаемъ мы въ слѣдующемъ докладѣ,—однако, до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія". Возвращаясь къ тому же предмету въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ докладовъ, С. Ю. Витте вновь повторяетъ, что „успѣхи производства и накопленія богатствъ нигдѣ не происходятъ равномѣрно".

Суть, однако, не въ томъ, считать ли капиталистическую форму экономическаго развитія неизбѣжною, такъ сказать, роковою или, какъ и все въ исторіи, производною извѣстныхъ условій и факторовъ, наличность и совокупность которыхъ можетъ быть не только напередъ изучена, но и до извѣстной степени видоизмѣнена. Во всякомъ случаѣ и при развитіи по капиталистическому типу государственная власть можетъ занять двоякаго рода положеніе: она можетъ или направить свои усилія къ смягченію острыхъ послѣдствій стихійнаго и часто мучительнаго процесса, оказывая поддержку слабымъ и отсталымъ, или, наоборотъ, цѣлью своей политики поставить ускореніе самого процесса и потому не думая о его послѣдствіяхъ, направить всѣ силы къ обслуживанію передовыхъ кадровъ капитализма. Министерство финансовъ заняло въ этомъ отношеніи вполнѣ опредѣленную позицію.

Выбирая ее, оно находилось,—повидимому, по крайней мѣрѣ,—подъ вліяніемъ нѣкотораго недоразумѣнія, какъ относительно экономическаго положенія страны, такъ и относительно тѣхъ послѣдствій, какими обыкновенно сказываются и должны были у насъ сказаться первые и при томъ форсированные шаги на пути капиталистическаго развитія. Исходя изъ мысли, что „исполненіе бюджетовъ можетъ служить вполнѣ надежнымъ показателемъ хозяйственнаго положенія многочисленной массы населенія" и что „финансовые успѣхи могутъ проистекать лишь при наличности условій, благопріятныхъ для народнаго благосостоянія",—финансовое вѣдомство въ благополучномъ и даже блестящемъ выпол-

ніи государственныхъ росписей видѣло несомнѣнное доказательство, что уровень этого благосостоянія не потерпѣлъ сколько-нибудь существеннаго повреждения и что общая сумма прибытковъ населенія возрастаетъ. Мы уже говорили о томъ, насколько финансовые успѣхи зависѣли отъ порядка составленія росписей и отъ тѣхъ формъ налоговаго обложенія, при посредствѣ которыхъ народные рессурсы могли стягиваться въ казну все въ большемъ и большемъ количествѣ внѣ всякаго соотношенія съ экономическимъ положеніемъ трудящейся массы. Не возвращаясь къ этому предмету, напомнимъ только, что оптимизмъ министерства финансовъ не оставался безспорнымъ и въ то время, когда тревожные признаки не были еще такъ часты и упорны, какъ теперь. Отвѣчая „политическимъ пессимистамъ", сомнѣвавшимся, чтобы нажившимся капиталистическія формы были полезны для всего населенія страны вплоть до низшихъ слоевъ его, С. Ю. Витте обыкновенно указывалъ, „что это не есть вопросъ факта, допускающій только одно истинное рѣшеніе, а вопросъ сужденій и взглядовъ". Свой оптимистическій взглядъ на экономическое положеніе населенія министерство финансовъ обосновывало слѣдующими сужденіями. „На новые пути, открываемые для населенія общимъ улучшеніемъ экономическихъ условій, всегда выступаютъ сначала лишь наиболѣе предпріимчивыя хозяйственныя единицы, только люди смѣлаго почина, только удачники, и лишь впослѣдствіи, когда эти пути становятся наѣзженными колеями, по нимъ начинаютъ двигаться робкія, инертныя народныя массы, достигая улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины—этого наслѣдія многихъ и многихъ вѣковъ". „Въ прежнее время существованіе цѣлыхъ зажиточныхъ селъ, или даже отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянскихъ дворовъ, отмѣчалось у насъ какъ рѣдкое исключеніе Въ настоящее время, напротивъ, образованіе зажиточной части сельскаго населенія и выдѣленіе ея изъ общей массы въ особую группу составляетъ повсемѣстное явленіе, очень часто встрѣчающееся и уже вышедшее изъ категоріи исключеній". „Выдѣленіе болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго населенія весьма естественно создаетъ болѣе высокій масштабъ для измѣренія крестьянскаго благосостоянія, и если за *мѣрило* брать уровень потребностей, удовлетворяемыхъ этими выдѣлившимися

группами, то можно придти къ заключенію объ упадкѣ зажиточности остальной крестьянской массы, хотя бы, абсолютно, она и осталась въ прежнемъ положеніи или даже нѣсколько улучшилась. Послѣднее и находитъ себѣ полное подтвержденіе въ исполненіи нашихъ бюджетовъ". Такимъ образомъ, споръ между оптимистами и пессимистами сводился, по мнѣнію финансоваго вѣдомства, къ разномыслію объ исходномъ основаніи для сужденія объ экономическомъ положеніи трудящихся массъ, къ вопросу о томъ, сравнивать ли его „съ ихъ же удѣломъ въ прошлое время или же съ тѣмъ идеаломъ, который каждый себѣ составилъ". „Вопросъ факта" дѣйствительно оказывался какъ бы только „разнорѣчіемъ въ сужденіяхъ".

Дѣйствительная жизнь была, однако, сильнѣе логики полемистовъ. Крупные недороды, сопровождавшіеся серьезными продовольственными затрудненіями, скармливаемыя быстро убывавшему скоту крыши, прочно обосновавшіеся въ деревнѣ тифъ, цынга и другія характерныя болѣзни—плохо аргументировали возраставшую зажиточность крестьянской массы. Между тѣмъ, это были не взгляды и сужденія, а самые подлинные факты, заставлявшіе государственное казначейство „считаться съ такою статьею чрезвычайныхъ расходовъ, которая давно неизвѣстна западно-европейскимъ бюджетамъ". Министерство финансовъ неоднократно пыталось объяснить недороды „естественною смѣною счастливыхъ и неудачныхъ годовъ" и каждый разъ выражало убѣжденіе, „что Россія выходитъ изъ постигшаго ее, хотя и тяжелаго, но временнаго бѣдствія при полномъ сохраненіи своихъ экономическихъ силъ и безъ особаго ущерба для своей жизнедѣятельности". Случайные недороды сдѣлались, однако, хроническими и временныя затрудненія пріобрѣтали все больше и больше затяжной характеръ. Къ 1899 году министерству пришлось признать, что „значительная часть нашего земледѣльческаго класса до сихъ поръ не упрочила своего хозяйственнаго быта" и что „большой части крестьянства не удалось воспользоваться благопріятными временами, чтобы укрѣпить свое хозяйственное положеніе и набраться силъ для борьбы съ невзгодами". Въ слѣдующемъ году оно продолжало еще надѣяться, что „въ общей періодической смѣнѣ урожаевъ съ неурожаями близятся хорошіе годы, которые возмѣстятъ населенію его потери отъ недородовъ". Эти надежды,

однако, не оправдались, и министерство сочло за лучшее внести нѣкоторую поправку въ свое представленіе о значеніи капитализма для народнаго благосостоянія. „Каждый новый шагъ въ экономическомъ развитіи, читаемъ мы въ докладѣ на 1902 годъ, обыкновенно ведетъ за собою нарушеніе установившагося равновѣсія въ распредѣленіи, перемѣщаетъ матеріальныя блага отъ однѣхъ экономическихъ группъ къ другимъ и, повышая общій уровень благосостоянія народа въ его цѣломъ, неблагопріятно вліяетъ на благополучіе нѣкоторыхъ частей населенія, уменьшая ихъ достатокъ или оставляя его на прежнемъ уровнѣ при общемъ подъемѣ.. У насъ, несомнѣнно, происходитъ довольно сильный и глубоко проникающій процессъ перераспредѣленія хозяйственныхъ благъ, невыгодно отражающійся на положеніи отдѣльныхъ группъ населенія и цѣлыхъ мѣстностей. Процессъ этотъ обостренъ тою быстротою, съ которою совершается переходъ отъ земледѣльческаго періода экономической жизни и системы натуральнаго хозяйства къ періоду промышленно-земледѣльческому и системѣ денежнаго хозяйства“. Такимъ образомъ, увѣренность, что положеніе „остальной“, т. е. не участвующей въ капиталистическомъ преуспѣяніи, массы улучшается, смѣнилась допущеніемъ возможности и даже несомнѣнности, что достатокъ отдѣльныхъ группъ населенія и цѣлыхъ мѣстностей убываетъ. Министерству не безызвѣстно, конечно, что эти мѣстности обнимаютъ цѣлые десятки губерній и что эти группы включаютъ не только рядовое крестьянство, но и значительную часть рабочаго класса, освободившагося „отъ стародавней рутины“ въ видѣ собственныхъ средствъ производства и тщетно ищущаго теперь заработка въ чужихъ хозяйствахъ. Но и за всѣмъ тѣмъ оно полагаетъ, что „было бы большою ошибкою распространять невзгоды отдѣльныхъ мѣстностей на всю Россію, усматривать въ экономическихъ затрудненіяхъ нѣкоторой части населенія или отдѣльныхъ общественныхъ группъ тревожные признаки для всего русскаго народа“.

Придавая преимущественное значеніе не распредѣленію, а производству и накопленію богатствъ, государственная власть, естественно, направила всѣ имѣвшіяся въ ея распоряженіи средства на воспособленіе тѣмъ „наиболѣе предпріимчивымъ хозяйственнымъ единицамъ“, „людямъ смѣлаго почина“, „удачникамъ“, по-

торые должны были проложить новыя колеи, предоставивъ „робкимъ и инертнымъ народнымъ массамъ достигать улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины“ Такой именно характеръ экономическая политика послѣднихъ десятилѣтій имѣла и въ деревнѣ, и въ городѣ.

Считая экономическое положеніе рядового крестьянства достаточно прочнымъ и не нуждающимся въ особыхъ попеченіяхъ государственной власти, нынѣшнее министерство финансовъ давно уже свою, въ общемъ покровительственную для города, политику признало необходимымъ осложнить нѣкоторыми дополненіями въ интересахъ помѣщичьяго и, главнымъ образомъ, дворянскаго землевладѣнія. Оно находило, что „наличные владѣльцы заложенныхъ имѣній, принадлежащіе въ большинствѣ къ доблестному сословію, сослужившему историческую службу отечеству, и впавшіе въ затруднительное положеніе, достойны, конечно, особаго о нихъ попеченія правительственной власти“, и потому почитало „необходимымъ принимать зависящія отъ него мѣры къ облегченію, въ предѣлахъ справедливости и возможности стѣсненій, испытываемыхъ нашимъ помѣстнымъ землевладѣніемъ, охраненіе интересовъ котораго всегда озабочивало правительство“. Въ интересахъ крупнаго и въ особенности дворянскаго землевладѣнія имъ дѣйствительно былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ въ сферѣ налоговой, кредитной и въ формѣ иныхъ льготъ и воспособленій. Значеніе этихъ мѣръ усиливалось тѣмъ направленіемъ общей политики, для которой поддержаніе престижа первенствующаго сословія и его землевладѣнія являлось одной изъ главныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе эти мѣры для большей части Россіи оказались безсильными сколько-нибудь замѣтно развить и даже упрочить крупныя капиталистическія формы въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ. Земля продолжала ускользать изъ владѣльческихъ рукъ, а ихъ хозяйство испытывать угнетенное состояніе. Давленіе города было настолько сильно, что всѣ предпринимавшіяся правительствомъ мѣры по отношенію къ помѣщичьему хозяйству могли лишь ослабить, но не устранить роковыя послѣдствія покровительственной системы. Между тѣмъ отказъ отъ послѣдней не входилъ въ намѣренія финансоваго вѣдомства. Воспособленіе помѣщичьему землевладѣнію оно разсматривало лишь какъ частную поправку къ об-

щей экономической политикѣ и неизмѣнно подчеркивало, что „обстоятельство это не должно порождать отождествленія интересовъ извѣстной группы землевладѣльцевъ съ интересами всякаго вообще землевладѣнія и въ особенности съ общехозяйственными интересами страны".

Болѣе продуктивны оказались мѣры по насажденію капитализма въ торгово-промышленной жизни. Въ своемъ стремленіи къ поднятію страны на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы государственная власть не стала искать опоры въ тѣхъ исконныхъ формахъ, въ какія отлилась неземледѣльческая дѣятельность населенія, въ органически выросшихъ и связанныхъ со всѣми другими частями народнаго хозяйства кустарныхъ и домашнихъ промыслахъ. Медлительному процессу ихъ соціальнаго и техническаго совершенствованія она предпочла готовыя, поражавшія своей техникой, хотя и выросшія на чуждой почвѣ, крупнокапиталистическія формы. Только этого типа хозяйственныя предпріятія пользовались вниманіемъ и поддержкой государственной власти. Къ ихъ интересамъ приспособлялись налоговая система и таможенная политика; страна была оборудована кредитными учрежденіями, спеціально приспособленными для нуждъ крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ; подготовка техниковъ, необходимыхъ для крупнаго производства, сдѣлана одной изъ главныхъ цѣлей школы вообще и высшей въ особенности; льготы, гарантіи, преміи, субсидіи и всякія иныя формы непосредственнаго „воспособленія" крупнымъ предпріятіямъ заняли видное мѣсто въ государственномъ хозяйствѣ; о двоякомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ мы уже говорили. Зачатки такой политики относятся къ давнему времени, давно уже получила она и преобладаніе; но никогда еще она не практиковалась столь широко и съ такою неуклонностью, какъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Насажденіе крупной капиталистической промышленности на первыхъ же порахъ встрѣтило, однако, и потомъ продолжало встрѣчать препятствіе въ недостаткѣ соотвѣтствующихъ капиталовъ. Не ожидая стихійнаго накопленія ихъ изъ прибылей, путемъ присвоенія предпринимателями прибавочной стоимости, норма которой стояла на очень высокомъ уровнѣ, правительство предпринимало рядъ мѣръ для искусственной ихъ концентраціи. Крупную роль сыграли въ этомъ отношеніи займы, кредитныя учрежденія

и сберегательныя кассы, предоставившія въ распоряженіе правительства и торгово-промышленнаго сословія сбереженія людей всякаго званія и достатка. Рессурсы, собиравшіеся подчасъ рублями, пятачками и даже копѣйками,—собиравшіеся на фабрикахъ, въ деревняхъ, а въ послѣднее время и въ школахъ,—уже не возвращались въ среду робкой и инертной народной массы. Для перевода ихъ въ распоряженіе „людей смѣлаго почина" жизнь выработала свои формы. Частные банки усердно занялись грюндерствомъ т. е. оборудованіемъ предпріятій за счетъ чужихъ капиталовъ. Учредительство поощрялось, какъ служба отечеству, и оплачивалось громадными суммами. Биржа со свойственною ей безперемонностью наполняла карманы „удачниковъ" деньгами публики. Если у послѣдней нельзя было получить денегъ, то на помощь приходилъ государственный банкъ, ссужавшій подъ акціи и облигаціи свои рессуры. Иныя предпріятія цѣликомъ основывались на казенныя деньги, получавшіяся въ видѣ задатка за казенные заказы. Крупная капиталистическая промышленность развивалась не по днямъ, а по часамъ. Въ пятилѣтіе 1893—1897 гг. „ростъ обрабатывающей прямышленности совершался въ четыре раза быстрѣе, чѣмъ въ пятилѣтіе 1888—1892 гг. и въ шесть разъ быстрѣе, чѣмъ въ десятилѣтіе 1878—1887 гг.". Денежная реформа, открывшая широкій доступъ въ страну иностраннымъ капиталамъ, вызвала новый приливъ предпринимательской энергіи. 1898 и 1899 годы ознаменовались въ промышленной жизни страны неслыханнымъ дотолѣ оживленіемъ.

Эти успѣхи не были, однако, успѣхами всей страны и даже всего города. „Если въ биржевой игрѣ одни выигрываютъ, то, по справедливому замѣчанію С. Ю. Витте, не можетъ быть, чтобы никто не проигрывалъ". Казовые успѣхи производства и накопленія богатствъ сопровождались мучительнымъ для массы процессомъ ихъ перераспредѣленія. На западѣ, гдѣ капитализмъ развивался органически, вмѣстѣ съ его ростомъ вырабатывалось умѣнье населенія постоять за себя въ борьбѣ за существованіе и измѣнялись формы общежитія, все болѣе и болѣе облегчавшія ему эту задачу. Только такимъ путемъ народныя массы получали возможность „достигать улучшенія своей жизненной обстановки", достигать не въ силу свойственной капитализму, какъ полагаетъ министерство финансовъ, тенденціи, а вопреки ей, путемъ неу-

стянной и организованной борьбы съ „удачниками“. У насъ форсированное развитіе капитализма захватило трудящіяся массы врасплохъ, не приспособившимися къ новымъ условіямъ существованія и не располагающими правовыми и культурными формами, которыя облегчили бы имъ отстаиваніе ихъ интересовъ. Между тѣмъ, государственная власть, отчасти органически, въ силу свойственнаго ей строенія, отчасти сознательно, изъ нежеланія стѣснять чѣмъ либо людей смѣлаго почина, воздерживалась, насколько это было возможно, отъ активнаго вмѣшательства въ пользу труда въ его борьбѣ съ капиталомъ. Въ деревнѣ капиталистическое преуспѣяніе сопровождалось для робкой и инертной массы, какъ мы упоминали уже, хроническимъ недоѣданіемъ и острыми голодовками, тифомъ и цингой, разореніемъ и вымираніемъ. Но и въ городѣ ея представителямъ жилось не многимъ лучше. Городскому рабочему классу, уже выступившему на «наѣзженныя колеи“ капитализма, какъ и крестьянству, „не освободившемуся еще отъ стародавней рутины“, въ равной мѣрѣ, „не удалось воспользоваться благопріятными временами, чтобы укрѣпить свое хозяйственное положеніе и набраться силъ для борьбы съ невзгодами“.

Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе нашего рабочаго вопроса во всемъ его объемѣ и остановимся лишь на одной характерной его детали Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ въ правящихъ сферахъ сознана необходимость законодательной охраны жизни и здоровья рабочихъ и приступлено къ выработкѣ законопроекта объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья. Закона этого и до сихъ поръ, однако, нѣтъ [1]). Между тѣмъ, успѣхи промышленности сопровождались неимовѣрно быстрымъ ростаніемъ сопряженнаго съ нею риска для рабочаго потерять либо свою жизнь, либо трудоспособность. Среди всѣхъ отраслей промышленности быстрѣе всѣхъ преуспѣвала, какъ извѣстно, горная и, въ частности, каменноугольная на югѣ Россіи. И вотъ какъ, по свѣдѣніямъ горнаго ученаго комитета, измѣнялось въ ней число пострадавшихъ рабочихъ въ связи съ успѣхами производства:

---

[1]) P. S. Онъ изданъ только въ 1903 году.

Годы	Добыто угля въ мил пуд.	Число лицъ, получившихъ смерть.	увѣчье.	итого
1892 . .	218,0	52	65	117
1893 . . .	239,8	76	103	179
1894 . . .	295,8	88	113	201
1895 . . .	298,3	62	133	195
1896 . . .	311,7	83	135	218
1897 . .	404,7	90	191	281
1898 .	462,0	184	360	544
1899 . . .	561,4	137	543	680
1900 . .	671,2	216	588	804

Въ то время, какъ производство увеличилось втрое, число пострадавшихъ рабочихъ возросло въ семь разъ. Не менѣе характерныя цифры по этому вопросу можно было бы извлечь изъ статистики желѣзнодорожнаго хозяйства, въ которомъ сама казна является крупнѣйшимъ предпринимателемъ. По частному примѣру можно судить и объ общемъ положеніи рабочаго класса. Условія его существованія не улучшились вмѣстѣ съ успѣхами капитализма, а ухудшились. Иначе и быть не могло, когда на одной сторонѣ была вся стихійная и организованная сила, а на другой— все безсиліе нищеты, невѣжества и безправія.

Въ нѣдрахъ самого города развивалось, такимъ образомъ, острое противорѣчіе. Легко понять, что начавшійся кризисъ, который тяжелѣе, конечно, отзовется на низшихъ слояхъ городского населенія, чѣмъ на высшихъ, не ослабитъ, а усилитъ его. Убѣдившись въ серьезномъ значеніи проистекающихъ отсюда явленій правительство, въ отдѣльныхъ по крайней мѣрѣ мѣстностяхъ, предприняло за послѣднее время нѣкоторые шаги, долженствующіе ободрить рабочія массы и поддержать въ нихъ надежды на улучшеніе ихъ участи. Результаты этихъ своеобразныхъ попытокъ, предпринимаемыхъ подъ часъ внѣ связи съ экономической политикой, предвидѣть пока трудно. Во всякомъ случаѣ противорѣчіе между интересами предпринимателей и рабочихъ значительно осложнитъ задачу примиренія городскихъ интересовъ съ деревенскими и роковымъ образомъ окраситъ предстоящій поворотъ въ политикѣ, необходимость котораго все болѣе и болѣе чувствуется не только въ обществѣ, но и въ правящихъ сферахъ.

VII.

Мы далеки отъ мысли, чтобы „переустройство экономическаго уклада огромнаго государства вновь по типу сельскохозяйственной страны“ считать не только желательнымъ, но и возможнымъ. Это было бы дѣйствительно равносильно экономической катастрофѣ. Съ точки зрѣнія народнаго благополучія не менѣе, чѣмъ и съ точки зрѣнія національнаго богатства, важно, чтобы „народный трудъ находилъ разнообразное примѣненіе, создавая новые источники благосостоянія“. Но едва-ли можно согласиться съ другимъ общимъ положеніемъ, высказаннымъ г. министромъ финансовъ въ докладѣ на 1897 г., а именно, что „общій законъ органическаго развитія—неизбѣжность жертвъ для великихъ цѣлей—вполнѣ примѣняется и въ области экономическаго роста государства“. Мы не знаемъ, какою изъ наукъ объ органическомъ мірѣ найденъ и формулированъ этотъ законъ, но едва-ли цѣлесообразно безъ всякихъ ограниченій переносить его въ сферу соціальныхъ отношеній и дѣлать исходнымъ пунктомъ экономической политики, т. е. сознательнаго воздѣйствія на стихійный процессъ органическаго развитія. Между тѣмъ, ссылкою на этотъ именно „законъ“ аргументируется въ конечномъ счетѣ неизбѣжность жертвъ деревни въ пользу города и трудящихся массъ — въ пользу немногихъ удачниковъ. Для философскаго объясненія нынѣ дѣйствующей программы въ сущности и нѣтъ надобности въ такихъ quasi научныхъ аргументахъ. Для этого достаточно ссылки на полное соотвѣтствіе ея тѣмъ историческимъ традиціямъ и тѣмъ современнымъ тенденціямъ, какія свойственны русской государственности. И если ужъ для аргументаціи нужны были законы точныхъ наукъ, то естественнѣе всего было бы сослаться на законъ самосохраненія или даже на болѣе общій — на законъ инерціи.

До сихъ поръ мы оставляли въ тѣни эти важныя преимущества, эти дѣйствительныя причины, которыми былъ обусловленъ центростремительный характеръ экономической политики, и теперь не лишне на нихъ будетъ остановиться.

Постройка городовъ издавна составляла важную заботу русской государственной власти, а „городовое дѣло“—поддержаніе

старыхъ и возведеніе новыхъ городовъ и остроговъ—одну изъ самыхъ тяжелыхъ натуральныхъ повинностей для „пашенныхъ людей“. Любопытно, что въ послѣднее десятилѣтіе это городовое строительство ожило въ своей первобытной, такъ сказать, формѣ и за счетъ государства въ буквальномъ смыслѣ были построены два новыхъ города: Дальній—на крайнемъ востокѣ и Александровскъ—на крайнемъ сѣверѣ. Сначала города служили оплотомъ внѣшней безопасности, укрывая въ своихъ стѣнахъ жителей отъ набѣговъ кочевниковъ и служа крѣпостями для ратныхъ людей. Съ вѣками непосредственныя задачи, возлагавшіяся на нихъ, мѣнялись; измѣнялось даже понятіе о нихъ; но они попрежнему служили важнѣйшимъ оплотомъ для государственной власти. Съ утратой пограничнаго значенія городовъ и остроговъ выростала ихъ роль во внутреннемъ управленіи. Позднѣе, развитіе городской жизни озабочивало правительство въ виду нароставшей у государства потребности въ людяхъ и продуктахъ, требовавшихъ заграничныхъ сношеній и спеціализаціи занятій. И въ наши дни пристрастіе къ городу,—уже въ томъ его пониманіи, съ какимъ мы имѣли дѣло на предыдущихъ страницахъ,—является далеко не безкорыстнымъ.

Деревню въ настоящее время приходится противополагать городу, какъ сельскохозяйственную отрасль промышленности—всѣмъ другимъ видамъ народнаго труда, отдѣлившимся отъ нея или вновь возникшимъ внѣ связи съ нею. Чѣмъ дальше идетъ это раздѣленіе, тѣмъ сильнѣе развивается городская жизнь и тѣмъ шире становится сфера происходящаго въ странѣ обмѣна. Въ направленіи развитія мѣнового хозяйства, какъ мы видѣли, и дѣйствовала экономическая политика, оказывая покровительство обрабатывающей промышленности и усиленно покрывая страну желѣзными дорогами. Пока продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ производятся, они остаются внѣ вліянія государственной власти. Она можетъ распорядиться ими не иначе, какъ экспропріировавъ ихъ въ пользу казны путемъ прямыхъ налоговъ, т. е. при посредствѣ „всегда тяжелыхъ понудительныхъ мѣръ“. Легко понять, что какъ бы ни были велики прямые налоги, при посредствѣ ихъ въ распоряженіи государства можетъ быть сосредоточена лишь ограниченная часть народныхъ рессурсовъ. Въ совершенно иномъ положеніи находится государствен-

ная власть при мѣновомъ хозяйствѣ. Становясь на дорогѣ между производствомъ и потребленіемъ, она получаетъ возможность вліять на всю сумму обращающихся въ странѣ мѣновыхъ цѣнностей. Мы уже видѣли, какіе громадные рессурсы успѣваетъ казна сосредоточить въ своемъ непосредственномъ распоряженіи и какое громадное вліяніе оказываетъ финансовое вѣдомство на экономическую жизнь страны путемъ воздѣйствія на условія обмѣна. Развитіе городской жизни и неразрывно связаннаго съ ней мѣноваго хозяйства открываетъ, такимъ образомъ, государственной власти возможность дальнѣйшаго и при томъ безграничнаго почти усиленія ея въ сферѣ наиболѣе важныхъ для населенія экономическихъ отношеній [1]).

Не менѣе важны для концентраціи власти были и тѣ формы, въ которыхъ насаждались и поощрялись городская промышленность, торговля и транспортная дѣятельность. При мелкомъ производствѣ продукты массоваго потребленія въ извѣстной ихъ части неизбѣжно ускользаютъ отъ мѣноваго обращенія, а, стало быть, и отъ вліянія государственной власти. Но и помимо этого, при массѣ мелкихъ производителей и торговцевъ, центральная власть нерѣдко оказывается безсильной сколько-нибудь замѣтно повліять на организацію производства и на результаты обмѣна. Для успѣха планомѣрной дѣятельности при такихъ условіяхъ въ сущности есть одинъ путь—путь децентрализаціи самой власти, что возможно не иначе, какъ при широкомъ развитіи самоуправленія. Крупныя формы капиталистическаго хозяйства представляютъ несравненно большія удобства, чѣмъ мелкія, для управленія экономическою жизнью при посредствѣ бюрократической организаціи, изъ одного центра. И размѣры производства, и цѣны, какъ показалъ опытъ, могутъ быть при этомъ съ успѣхомъ нормированы, а самыя предпріятія поставлены въ полную зависимость отъ усмотрѣнія центральной власти. Чтобы пояснить эти общія соображе-

---

[1]) Не напрасно, поэтому, въ послѣднее время министерство финансовъ обратило свое вниманіе на общину, дворъ и другіе институты, содѣйствующіе живучести натуральнаго хозяйства. Упраздненіе ихъ сдѣлаетъ доступнымъ капиталистическому рынку громадную сумму цѣнностей, доселѣ ускользавшихъ отъ обмѣна, и, такимъ образомъ, не только внесетъ новое «оживленіе» въ промышленную жизнь страны, но и откроетъ возможность дальнѣйшему расширенію государственной власти.

нія, я позволю себѣ иллюстрировать ихъ фактами текущей дѣйствительности.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1902 г. въ Петербургѣ состоялось два съѣзда: винокуренныхъ заводчиковъ и дѣятелей по кустарной промышленности. Они въ одинъ почти день начались и въ одинъ почти день кончились. Но по ихъ задачамъ, по составу участвовавшихъ въ нихъ лицъ, по царившему на нихъ тону и по отношенію къ высказывавшимся на нихъ мнѣніямъ и пожеланіямъ правящей власти—между этими съѣздами не было ничего общаго. И эта противоположность представляется крайне характерной для двухъ возможныхъ теченій общей и экономической политики.

Винокуренное производство можно считать наиболѣе преуспѣвшимъ и, пожалуй, завершившимъ циклъ своего развитія, предуказанный ему нынѣ дѣйствующей экономической программой Домашнее винокуреніе, по соображеніямъ фискальнаго характера, какъ извѣстно, давно уже искоренено даже въ самыхъ глухихъ мѣстностяхъ имперіи, и все винокуренное производство централизировано въ болѣе или менѣе крупныхъ предпріятіяхъ капиталистическаго типа. Успѣхи его стоятъ внѣ сомнѣнія, доказательство чему имѣется въ „несомнѣнно выразившемся за послѣднее время перепроизводствѣ спирта", каковое обстоятельство было засвидѣтельствовано при открытіи съѣзда товарищемъ министра финансовъ. Съ другой стороны, вся винная торговля тоже централизирована и при томъ въ рукахъ самого правительства, помимо котораго къ потребителю не можетъ проскользнуть ни одна рюмка водки. Громадное значеніе такой постановки дѣла для усиленія государственной власти на съѣздѣ обнаружилось съ полною очевидностью. Винокуренные заводчики, чтобы сохранить свои барыши, обнаружили готовность поступиться своими правами, какъ организаторовъ производства, даже важнѣйшимъ изъ нихъ—правомъ самимъ опредѣлять размѣры выкурки и назначать цѣны. Увѣренные, что правительство ихъ не обидитъ, они единодушно высказались противъ поставки спирта по вольной цѣнѣ съ торговъ въ пользу разверстки по назначаемымъ провительствомъ цѣнамъ. Въ своихъ пожеланіяхъ, не подлежавшихъ обсужденію на съѣздѣ, они шли еще дальше и просили, „чтобы правительство приняло на себя пріобрѣтеніе излишка спирта и само продавало его за границу", т. е. предлагали ему взять въ свои руки и экс-

портную торговлю. Усиленіе центральной власти, съ точки зрѣнія крупныхъ предпринимателей, представляется такимъ образомъ, безусловно желательнымъ.

Совершенно на иной точкѣ зрѣнія стояли дѣятели по кустарной промышленности, представители интересовъ мелкаго производства. „Суммируя главныя положенія, высказанныя съѣздомъ", г. министръ земледѣлія пришелъ къ заключенію, „что въ основу всей дѣятельности для содѣйствія кустарной промышленности съѣздъ положилъ,—и положилъ, по мнѣнію г. министра, совершенно правильно,—мѣстную самодѣятельность, самодѣятельность мѣстныхъ силъ—земскихъ и общественныхъ учрежденій, а также частныхъ лицъ, душу кладущихъ въ свою работу на благо кустаря". Съѣздъ высказался, между прочимъ, въ пользу „широкаго, обнимающаго всѣ слои населенія избирательнаго права, самостоятельности общественныхъ учрежденій, общественнаго и судебнаго контроля", а также въ пользу „полнаго и всесторонняго уравненія крестьянъ съ прочими сословіями въ правахъ вообще, въ порядкѣ суда и управленія въ частности". Для подъема промышленнаго духа населенія и развитія въ немъ самодѣятельности съѣздъ призналъ прежде всего необходимымъ свободное развитіе личности, а для этого: „а) широкое развитіе просвѣщенія на основѣ всеобщаго обученія и надлежащаго простора для взаимодѣйствія образованныхъ слоевъ и трудящихся массъ населенія; б) обезпеченный правопорядокъ и в) свободное устройтво образовательныхъ, техническихъ и промышленныхъ союзовъ" Наконецъ, для обобщенія мѣръ, предпринимаемыхъ на пользу народнаго труда, съѣздъ считалъ необходимымъ „возможно близкое общеніе другъ съ другомъ общественныхъ учрежденій" и „организацію періодическихъ, какъ порайонныхъ, такъ всероссійскихъ съѣздовъ представителей земства". Эти „совершенно правильныя", по выраженію г. министра, мнѣнія съѣзда не вошли однако, какъ извѣстно, въ составъ его резолюцій, подлежавшихъ дальнѣйшему движенію по инстанціямъ и сохранились лишь на газетныхъ столбцахъ. Мнѣнія винокуренныхъ заводчиковъ имѣли другую судьбу. „Все сказанное на съѣздѣ было застенографировано и затѣмъ, по напечатаніи, какъ обѣщалъ предсѣдатель, будетъ приложено къ запискѣ, имѣющей поступить на утвержденіе государственнаго совѣта".

Вообще, отношенія на томъ и другомъ съѣздѣ, какъ было уже упомянуто, установились совершенно различныя. Тамъ и здѣсь предсѣдатели были назначенные, но въ то время, какъ винокуры закончили свои совѣщанія чтеніемъ адреса своему предсѣдателю „за сердечное отношеніе къ ихъ нуждамъ", послѣднія засѣданія кустарнаго съѣзда ознаменовались цѣлымъ рядомъ конфликтовъ мнѣній большинства съ дискреціонною властью предсѣдателя.

Готовность винокуренныхъ заводчиковъ подчиниться указаніямъ центральной власти и внимательное отношеніе правительства къ ихъ пожеланіямъ были продиктованы, конечно, насущными интересами той и другой стороны. Для каждой изъ нихъ съ полною очевидностью уже выяснилась невозможность дальнѣйшаго расширенія винокуреннаго производства. Задача накопленія богатствъ, разрѣшаемая внѣ связи съ ихъ распредѣленіемъ, уже привела экономическую политику въ этой отрасли производства къ самоотрицанію Потребности внутренняго рынка уже насыщены и емкость его, при понижающемся уровнѣ народнаго благосостоянія, возрасти не можетъ. Вывозъ спирта за границу также оказывается невозможнымъ. Государство уже выдаетъ винокуреннымъ заводчикамъ премію, въ переводѣ на деньги равную 27 коп. за каждое ведро 40-градуснаго спирта, вывезеннаго ими за границу. При цѣнѣ ведра около 60 коп., это составляетъ почти 50% его стоимости, но, не смотря на эту приплату изъ общегосударственныхъ рессурсовъ, русскій спиртъ идетъ за границу все въ меньшемъ и меньшемъ количествѣ „Съ своей стороны, министерство финансовъ, какъ заявилъ г. товарищъ министра, готово даже увеличить размѣръ преміи, но оно увѣрено, что результатъ останется одинъ и тотъ же". Вмѣсто расширенія производства, приходится изыскивать мѣры для его ограниченія. Винная монополія даетъ полную возможность достигнуть этого безъ всякаго шума, путемъ „разверстки". Министерство финансовъ соглашается при этомъ платить за спиртъ дороже, чѣмъ онъ стоитъ. Въ 1901 году цѣны по разверсткѣ были выше цѣнъ, по которымъ спиртъ покупался съ торговъ, на 13 коп. съ ведра, и государство уплатило, такимъ образомъ, за нормировку нѣсколько мил. рублей. Не смотря на это, министерство финансовъ обнаружило готовность вовсе отказаться отъ торговъ и пользоваться исключительно разверсткой. Если раньше народные рессурсы рас-

ходозались на расширеніе производства, въ надеждѣ вызвать дѣятельную внутреннюю конкурренцію, то теперь ихъ приходится расходовать на его ограниченіе изъ-за боязни той же конкурренціи Мы уже знаемъ, что винокуренная промышленность не представляетъ въ этомъ отношеніи какого-либо исключенія. Такое же положеніе дѣлъ наблюдается въ свеклосахарной промышленности, въ металлургической и др. Разница только та, что въ однихъ случаяхъ кризисъ приходится отсрочивать казенными деньгами въ видѣ надбавокъ къ цѣнѣ продукта, казенныхъ заказовъ и т. д., въ другихъ—къ этой повинности удается привлечь само населеніе, не проводя его ресурсовъ черезъ государственное казначейство. Значительную долю государственной власти приходится удѣлять, такимъ образомъ, на поддержаніе того экономическаго порядка, который содѣйствовалъ ея экономическому могуществу.

Какъ бы то ни было, на двухъ названныхъ съѣздахъ совершенно опредѣленно выяснились, съ одной стороны, неразрывная связь данной экономической программы съ современнымъ строемъ государственной власти и ея стремленіемъ къ дальнѣйшей централизаціи, а съ другой—необходимость серьезныхъ измѣненій въ условіяхъ личной и общественной самодѣятельности, чтобы возможны были иныя цѣли и иные результаты въ сферѣ экономической политики.

Заканчивая свою статью, сдѣлаемъ лишь самое краткое резюме.

Основною идеею программы, осуществляемой министерствомъ финансовъ, является централизація экономической власти, получившая наглядное себѣ выраженіе въ централизаціи доходовъ. Проводя ее съ замѣчательнымъ умѣньемъ и рѣдкою настойчивостью, С. Ю. Витте за время своего управленія министерствомъ успѣлъ достигнуть крупныхъ результатовъ. Своей финансовой и экономической политикой онъ широко раздвинулъ предѣлы и на много увеличилъ силу государственной власти, поставивъ въ зависимость отъ нея почти всю экономическую жизнь страны и освободивъ ее самое отъ всѣхъ почти стѣсненій въ дѣлѣ распоряженія народными рессурсами. Идеологической оболочкой и философскимъ

оправданіемъ для названной идеи служили, съ одной стороны, стремленіе поднять страну на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы, а съ другой—желаніе увеличить національное богатство *). Та и другая задача, при нежеланіи поступиться основной идеей, оказались, однако, неразрѣшимыми. Осуществляя ихъ министерство должно было опереться на имѣвшіяся въ экономической жизни противорѣчія, расширяя и обостряя ихъ своей политикой. Не устранивъ и даже не ослабивъ зависимости международной, эта политика усилила зависимость соціальную; вызвавъ усиленное производство многихъ продуктовъ, она не предусмотрѣла предѣла ему въ распредѣленіи, которое все болѣе и болѣе становилось неравномѣрнымъ; стянувъ громадные рессурсы, она задержала удовлетвореніе основныхъ потребностей государственной жизни ради средства, успѣвшаго сдѣлаться самодовлѣющею цѣлью. Въ результатѣ, богатство города оказалось ненужнымъ при нищетѣ деревни, успѣхи „удачниковъ"—непрочными при неблагополучіи трудящейся массы, накопленіе богатства—невозможнымъ при понижающемся уровнѣ народнаго благосостоянія. Вмѣсто освобожденія отъ чужого рынка, приходилось выкидывать за границу въ ущербъ себѣ все большее и большее количество продуктовъ; вмѣсто расширенія производства, пришлось съ еще большими жертвами всячески ограничивать его стихійный ростъ. Между тѣмъ, основныя противорѣчія экономической жизни настолько обострились, что игнорировать ихъ сдѣлалось небезопаснымъ для устойчивости государственнаго организма. Назрѣваетъ необходимость коренного поворота въ экономической политикѣ. Необходимость этого поворота все болѣе и болѣе сознается

*) Въ послѣднемъ всеподданѣйшемъ докладѣ С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ (о росписи на 1903 г.), мы находимъ косвенное признаніе въ неудачѣ, постигшей его систему. Въ качествѣ основной задачи финансоваго управленія онъ выдвигаетъ на первый планъ уже не увеличеніе національнаго богатства, а изысканіе средствъ для обезпеченія внѣшней государственной безопасности. Едва ли нужно однако говорить, что идеологія, на которую вправѣ опереться государственная программа, должна опережать исторію, а не отставать отъ нея. Задача же обезпечить внѣшнюю безопасность государства была благополучно разрѣшена русскимъ народомъ еще въ до-петровское время.. Теперь же передъ русскимъ государствомъ другая задача: нужно обезпечить создавшему его народу, если не благосостояніе, то хотя бы сносное существованіе.

въ правящихъ сферахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе выясняются въ общественномъ сознаніи тѣ условія, при которыхъ онъ сдѣлается возможнымъ.

P. S. На двухъ устояхъ держалась финансовая и экономическая политика отживающаго строя. Покровительство городу въ ущербъ деревнѣ и покровительство немногимъ „удачникамъ" въ ущербъ всей трудящейся массѣ — таковы были основныя ея тенденціи. Перемѣстить центръ тяжести экономической жизни въ сторону деревни и трудящихся массъ — такова сущность предстоящей задачи. Но ее нельзя рѣшить, не имѣя надлежащей опоры.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, ликвидировать хотя бы протекціонную систему? Что сдѣлать съ промышленностью, выращенной подъ защитою таможенной стѣны и взлелѣянной на казенныхъ заказахъ внѣ всякой связи съ народнохозяйственными потребностями? Таможенный тарифъ, конечно, можно отмѣнить простымъ декретомъ, ассигновки на желѣзныя дороги изъ росписи можно вычеркнуть однимъ почеркомъ. Но вѣдь это неизбѣжно повлечетъ за собою то, что многія отрасли промышленности исчезнуть, другія вынуждены будутъ сократить свое производство. Куда же дѣнутся рабочіе? Облегчая деревню, мы придавимъ такимъ образомъ городъ, и камень, вмѣсто хлѣба, получатъ въ такомъ случаѣ рабочіе вмѣстѣ съ волей.

Что, далѣе, дѣлать съ податною системой? Не трудно декретировать отмѣну прежнихъ налоговъ, но гдѣ найти источникъ для новыхъ? Революція отмѣнила выкупныя подати, но какая отъ этого будетъ польза, если тѣ же суммы возьмутъ съ трудящихся массъ косвенными налогами? Непроизводительные расходы изъ государственной и земскихъ смѣтъ должны быть вычеркнуты, но производительныя затраты немедленно должны быть увеличены, и средства для нихъ во что бы то ни стало должны быть найдены. Прогрессивно-подоходное обложеніе... Но гдѣ тѣ доходы, которые могутъ быть такимъ путемъ конфискованы?

Одной „воли", хотя бы и „всей воли" въ данномъ случаѣ недостаточно. Для нея должна быть найдена матеріальная опора, и такой опорой, по нашему мнѣнію, можетъ быть только земля. Только опираясь на землю, можно обезпечить экономическое поло-

женіе трудящихся массъ, и только опираясь на ренту, можно реорганизовать общественное хозяйство.

Только сдѣлавъ всю землю доступной всѣмъ трудящимся, можно будетъ смѣло приступить къ ликвидаціи покровительственной системы. Пусть гибнетъ все мертворожденное и рушится то, что на пескѣ построено. Пусть „удачники“ лишатся дивидендовъ, которые они такъ долго за народный счетъ присвоивали. Для рабочихъ массъ найдется выходъ, „обращеніе къ землѣ“ дастъ имъ возможность пережить кризисъ. Милліоны искусственно стянутыхъ въ городъ рабочихъ возвратятся въ деревню, и для тѣхъ, которые останутся въ городѣ, не трудно уже будетъ отстоять свои интересы. „Обращеніе къ землѣ“ до сихъ поръ являлось единственнымъ выходомъ для трудящихся массъ при промышленныхъ кризисахъ, и эти двери необходимо растворить сейчасъ нараспашку, чтобы въ нихъ могли уйти всѣ безработные.

Центръ тяжести народнохозяйственной жизни самъ собою передвинется въ деревню, и тамъ, въ деревнѣ, будетъ заложенъ новый фундаментъ для индустріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ главная тяжесть, которая давила и давитъ трудящіяся массы; онѣ избавятся отъ необходимости поддерживать выстроенное на пескѣ неуклюжее зданіе, называемое русской промышленностью. Трудно даже усчитать ту экономію, которая получится при этомъ въ государственномъ и народномъ бюджетахъ. Трудно предусмотрѣть тѣ благодѣтельныя послѣдствія, какими это скажется въ народнохозяйственной жизни. Во всякомъ случаѣ будетъ устранено главное препятствіе къ развитію производительныхъ силъ народа.

Съ націонализаціей земли, какъ мы ее понимаемъ, вся земля сдѣлается доступной всѣмъ трудящимся. И вмѣстѣ съ тѣмъ вся рента сдѣлается достояніемъ всего общества. Такимъ образомъ будетъ заложенъ прочный фундаментъ не только для производительнаго народнаго труда, но и для раціональнаго общественнаго хозяйства. Экспропріировавъ ренту, общество избавится отъ необходимости отчуждать значительную долю заработной платы. Это, быть можетъ, единственное сейчасъ средство, чтобы реорганизовать податную систему. Для прогрессивно-подоходнаго налога въ разоренной деревнѣ почти не окажется объектовъ. Неизвѣстно и то, сколько можетъ дать въ этой формѣ — даже при самыхъ высокихъ ставкахъ — охваченный кризисомъ городъ. Рента при

такихъ условіяхъ должна явиться не только однимъ изъ самыхъ справедливыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей.

Націонализація земли, по нашему мнѣнію, это единственное средство, чтобы быстро ликвидировать экономическое наслѣдство самодержавія и наладить народнохозяйственную жизнь послѣ его крушенія

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. В. ПОПОВА.
Спб., Невскій, 68.

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

С.-Петербургъ—контора редакціи, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина.

Обращающіеся за книгами непосредственно въ контору журнала письменно—пользуются даровой пересылкой, лично—уступкой въ размѣрѣ 20%.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА Изд. *третье* 1905 г.—368 стр. Ц. 1 р

Естествознаніе и исторія.—Процессъ исторіи.—Величина прогресса въ человѣчествѣ—Цѣна прогресса.—Дѣйствіе личностей—Культура и мысль—Личности и общественныя формы—Растущая общественная сила—Знамена обществ. партій—Идеализація.—Національности въ исторіи.—Договоръ и законъ.—Государство—Естественныя границы государства—Критика и вѣра—Теорія и практика прогресса—Цѣль автора.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд 1894 г—150 стр. Ц. 80 к.

Народный читатель—Лубочная литература—Практическая дѣятельность интеллигенціи въ дѣлѣ народной литературы—Прогрессивная спеціально-крестьянская литература.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр Ц. 1 р. 50 к.

Расплата.—Ночныя тѣни—Любочкино горе—По уставу

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Смѣна теченій.—Новый фазисъ.—Политическая жизнь и общественные дѣятели—Литература и печать.—Народъ.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г.—501 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ англичанъ.—Англійская полиція—Возрожденіе протекціонизма.—Ирландскій „Ледоходъ".—Земля.—Женскій трудъ—Дѣтскій трудъ.—Гербертъ Спенсеръ.—Въ русскомъ кварталѣ

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г Ц 1 р

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Одиннадцатое* изд 1906 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ Кн. II. *Седьмое* изд 1905 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Рѣка играетъ—На загмени—Атъ-Даванъ.—Черкесъ—За иконой—Ночью—Тѣни—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Третье* изд. 1905 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики".—Морозъ.—Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Пятое* изд. 1904 г.—379 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Десятое* изд. 1904 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Третье* изд. 1904 г.—218 стр. Ц. 75 к.

Н. Кудринъ. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Народъ и его характеръ.—Общественные классы.—Наука, литература и печать.—Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

Ек. Лѣткова. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II. *Второе* изд. 1903 г.—314 стр. Ц. 1 р.

Отдыхъ.—Чудачка.—Бабьи слезы.—Праздники.—Лишняя.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г.—316 стр. Ц. 1 р.

Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Второе* изд. 1902 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р.

Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г.—406 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣвецъ гуманной красоты (Пушкинъ).—Муза мести и печали (Некрасовъ).—Чудеса „вседневнаго міра" (Фетъ).—На высотѣ (Тютчевъ).—Пѣвецъ „тревоги юныхъ силъ" (Надсонъ).—Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ. Изд. 1896 г. Цѣна каждаго тома 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т II. Преступленіе и наказаніе - Герои и толпа —Научныя письма — Патологическая магія.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.—Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго

Т. III. Философія исторіи Луи Блана—Вико и его „новая наука" — Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.—Критика утилитаризма.- Записки Профана.

Т IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ.—Суздальцы и суздальская критика.—О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго.—Карлъ Марксъ передъ судомъ г Ю Жуковскаго —Въ перемежку - Письма о правдѣ и неправдѣ.- Письма къ ученымъ людямъ.— Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878 - 1880 г.г.

Т V Жестокій талантъ —Гл. И Успенскій —Щедринъ — Герой безвременья - Н В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма постороняго

Т VI. Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. — Графъ Бисмаркъ Иванъ Грозный въ русской литературѣ — Политическая экономія и общественная наука. — Дневникъ читателя — Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Н. К. Михайловскій. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе*. 1905 г. — 504 стр. Ц. 2 р.

Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ —П. Д. Боборыкинъ и его отношеніе къ „Отеч Запискамъ".—Изъ прошлаго и настоящаго Л Н. Толстого Полемика съ нимъ И. И. Мечникова.—Личныя воспоминанія о гр Толстомъ.— Письмо К Маркса. Кающіеся дворяне Идеалы и идолы.—О г Розановѣ и его отказѣ отъ наслѣдства —Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р.

Нордау о вырожденіи.—Декаденты, символисты, маги и проч —Отрывокъ изъ романа „Карьера Оладушкина" — Основы народничества Юзова — О народничествѣ г. В. В.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.— Изъ писемъ марксистовъ О Максѣ Штирнерѣ и Фр. Ницше.— О г. Струве и его „Критическихъ замѣткахъ".

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г.—492 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г.—431 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I Изд. 1905 г.—489 стр Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г.—504 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора)

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

С Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 к.

Московскій работный домъ.—По этапу.

С Подъячевъ. Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. НА ОЧЕРЕДНЫЯ ТЕМЫ. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Изд. 1904 г.—434 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Крестьянскій вопросъ. — Централизація экономической власти. — Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ. — Неудавшійся праздникъ.—Изъ земской жизни. — Докторъ Штокманъ на русской сценѣ. — Изъ исторіи чести и совѣсти. — Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ. — Матеріалы для характеристики русской интеллигенціи.

— ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *второе* 1906 г. Ц. 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *второе* 1906 г. Ц. 25 к.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. 1906 г. Ц. 30 к.

ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. Ц. 10 к.

СБОРНИКЪ «РУССКАГО БОГАТСТВА». Часть I. *Беллетристика.* Изд. 1899 г.—206 стр. Ц. 2 р.

— Часть II. *Публицистика.* Изд. 1899 г.—450 стр. Ц. 1 р.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Изд. 1905 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

Различныя ученія о доходѣ съ капитала. — Социально-экономическія воззрѣнія Симонда де Сисмонди.—Генри Джорджъ, какъ экономистъ. Новый курсъ политической экономіи.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Въ странѣ хунхузовъ, и. тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я.—П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное изд. 1906 г.—295 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. *Второе* изданіе. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Собраніе лучшихъ, оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, съ краткими характеристиками послѣднихъ. Въ книгѣ больше 30.000 стиховъ.

Въ конторѣ журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ продается

НОВАЯ КНИГА:

Въ защиту слова.

Сборникъ статей, замѣтокъ и стихотвореній **К. К. Арсеньева, Ѳ. Д. Батюшкова, А. Г. Горнфельда, Діонео, В. Г. Короленко П. Н. Милюкова, Н. К. Михайловскаго, В. А. Мякотина, А. В. Пѣшехонова, Н. А. Рубакина, Е. Н. Чириновa, П. Я.** и мн. другихъ.

Третье изданіе безъ перемѣнъ.

Цѣна 2 руб.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1) **ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ** и основныя задачи аграрной реформы. 2-е изд. Ц. 60 коп.

2) **КРЕСТЬЯНЕ** и **РАБОЧІЕ** въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. 2-е изд. Цѣна 25 коп.

3) **ХЛѢБЪ. СВѢТЪ** и **СВОБОДА**. 2 изд. Ц. 10 к.

Пріобрѣтающіе непосредственно въ конторѣ журнала „Русское Богатство“ или въ ея Московскомъ отдѣленіи на сумму не менѣе 1 руб пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Ежемѣсячный литературный и научный журналъ

„Русское Богатство“,

издаваемый подъ редакціей Вл. Г. Короленко

и при ближайшемъ участіи Н Ѳ Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, А. И Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Нудрина, П. В Мокіевскаго, В. А Мякотина, А В Пѣшехонова, С. Н Южакова и П Ф. Якубовича (Мельшина)

На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р; безъ доставки въ Спб. 8 р.; за границу 12 р.

Контора журнала: **С.-Петербургъ**, Баскова ул. 9; отдѣленіе въ **Москвѣ**: Никитскія Ворота, д Гагарина